

Ростислав Марченко

ДОРОГИ НАЕМНИКА

Ростислав Александрович Марченко

Дороги наёмника

Серия «Остров», книга 2

Серия «Попаданец (АСТ)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63409762*

Аннотация

Небо иного мира увидел не юный студент и не секретный спецназовец, а обычный отставной прапорщик. Его умения купили обещаниями долгой жизни, прекрасного здоровья и большими деньгами... Однако за все в этой жизни надо платить, и однажды жизнь может повернуться так, что у него в руках вместо АК появится меч, а впереди будут видны только кровавые дороги хейенского наемника...

Содержание

Глава I	4
Глава II	71
Глава III	111
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Ростислав Марченко

Дороги наёмника

Глава I

Когда-то, в прошлой жизни, мне, а если точнее – нам в порядке общих знаний организацию подразделений наёмных войск различных регионов Хейена, конечно, доводили. К огромному моему сожалению, сейчас эти знания в значительной мере оказались бесполезными. Составлявшие профильные обзоры аналитики, получив шанс облажаться, конечно, постарались его реализовать. Как они сумели это сделать, было настоящей загадкой – по осторожным моим вопросам, организационно конные тагмы и пешие роты частных военных подрядчиков Аэронской Империи принципиально ничем друг от друга не отличались, что, однако, не помешало этим мудакам смешать их типовую организацию с элементами дружин, точнее будет сказать – хоругвей помещного ополчения аристократии, её же регулярных – «ордонансных» подразделений, и мало чем отличались от «региональных» подразделений Императорской армии.

Наша рота, с излишне пафосным, на мой взгляд, названием «Вепри Бир-Эйдина», состояла из полутора сотен пехо-

тинцев, конного лоха¹ из двадцати двух всадников для разведки и связи и примерно полусотни нестроевых.

Рейтарами наше скакавшее верхом быдло в целом называть было стыдно, полноценно рубить и колоть копьем с седла могли только четверо из них, все выходцы из благородных семей. Остальные восемнадцать кавалеристов являлись типичной такой, умеющей разве что держаться в седле едущей пехотой. Да и той, если объективно, только частично. Человек пять были малопригодны даже для этой роли, по внесению в списки роты не имея ни стоящих упоминания навыков владения длинноклинковым оружием, ни заметного невооруженным взглядом умения езды в седле. Троица из числа последних оказались сыновья зажиточных крестьян, один – мало чем отличающимся от крестьян нищербродом из провинциальной шляхты и пятый – взбрыкнувшим, не желая принимать сан, сыном жреца Дины². Этот стал сущей звездой. Если пейзажу и «благородный господин» с могущим

¹ Термин «лох» в кавалерии Аэрона используется в значении небольшого, не делящегося на сотни отряда (подразделения), как правило, до 150 человек численностью. Совпадение данного термина с терминологией армий классической Греции и Византии основной массой земных аналитиков считается неслучайным.

² Дина – старшая дочь бога огня и солнца Тира и богини воды Ранн, богиня жизни. В посвященных ей храмах изображается маленькой изящной рыжеволосой красавицей в светлых одеждах с растительной вышивкой. Покровительница альвов, как безосновательно считается, даровавшая им бессмертие. Несмотря на многие положительные черты, даже последователями считается самой злопамятной и мстительной особой в Пантеоне.

сойти за боевое оружие хоть как-то ранее дело имели, то последний в силу специфики интересов богини жизни и того же имущественного положения семьи оказался нулём полностью.

Если без вежливых комплиментов, то пехота была точно таким же дерьмом, как кавалерия. Единственное заметное отличие пехотного и конного компонентов – даже больший, чем в конном лохе, процент продавших ради доспехов и вооружения всё своё имущество пейзан и решивших вырваться из бедных кварталов городских пролов слегка уравнивался вооружением древковым полиармом, который в строю от них особой подготовки не требовал. Кроме «чистой» пехоты также удалось завербовать порядка двух десятков стрелков, но луки и несколько довольно-таки дорогих на их фоне арбалетов являлись вспомогательным вооружением и серьёзного влияния на ход боя оказать не могли.

Не сказать, что такая публика была исключением для формирующихся с нуля наёмных отрядов, скорее даже наоборот, но в нашем случае к девятнадцатилетнему капитану очень неохотно шли служащие на двойном жалованье косяком подразделения опытные наёмники – дубликарии. Самым минимальным их количеством в приличной роте считалось двое на капральство³ – сам капрал и имеющий боевой стаж в одну-две компании опытный «заместитель командира

³ Здесь и далее главный герой использует «старые» земные термины в случаях совпадения значения термина и его фонетического звучания с оригиналом.

отделения». У нас же таких профи и полупрофи было чуть более десяти процентов – семнадцать душ, чего даже при увеличении «отделений» до считавшихся неоптимальными шестнадцати человек было недостаточно.

С комитами – командным составом роты – тоже было довольно кисло, но немного по другим причинам. Владелец предприятия, а им был наш юный капитан, по очевидным причинам экономил на денежном содержании старшего менеджмента. В отличие от государственных структур, раздувать штаты за счет дармоедов, перекладывающих генерируемые такими же бездельниками бумажки, Лойх ан Феллем не имел финансовой возможности. Главной его задачей как командира роты наемников было получение в найме прибыли.

Младших офицеров в роте было два: я и считавшийся в нашей паре первым лейтенантом седой и огрузневший с возрастом, однако всё ещё на диво подвижный и великолепно обращающийся с глефой матёрый наемник Боудел Хоран. Завербовать служивших в ротах на лейтенантских правах врача-хирурга и колдуна ни капитану, ни его хитрому папаше не удалось. Последние военно-учетные специальности были довольно дефицитными, а чтобы мягко прижать, жертв видимо не нашлось.

Боу вернулся в частный военный подряд в силу непреодолимых жизненных обстоятельств. Уже было остепенившийся и вложивший деньги в морскую торговлю шен Боудел Хоран непредвиденно прогадал с бизнесом. Все те же остров-

ные пираты перехватили корабли с принадлежащим торговому дому, где он держал пай товаром, так что, раздав долги, мужик без малого остался без штанов и оказался вынужден искать средства заполнить брешь в бюджете. Насколько я понимал ситуацию, при таких жизненных неурядицах в «Вепрях» он очутился примерно так же, как и я – получив от любящего отца предложение, от которого не сумел отказаться. Ни по каким иным причинам этому залитому кровью по уши профессионалу в нашей роте делать было нечего. Неудачную попытку переманить его в другой отряд, причем честно – с выплатой неустойки контракта, я наблюдал буквально в первый же вечер нашего знакомства. Было довольно сомнительно, что он решительно отказался от предложения только потому, что знал маленького ан Феллема с детства.

На ступень ниже лейтенантов нашей банды находилась верхушка младшего командного состава подразделения, этикие, если их так можно назвать, прапорщики.

Непосредственно знаменосцем⁴ Лойх назначил своего приятеля из «Охотников»⁵ Тельфа Лича. Парень был лет примерно на пять постарше, чем наш капитан, и являлся бывшим руководителем их охотничьей группы. Этот тип сразу же стал заметным моим ненавистником, поскольку я занял должность, которую он по непонятной причине наде-

⁴ Знамя – прапор. В данном случае то же самое, что ротный значок.

⁵ «Охотники», они же «воины Тира» и т. д. – если кто не помнит первую книгу, подразумеваются охотники на вампиров.

ялся получить. Особого значения эта неприязнь не имела, «Военный кодекс» и традиции, по которым жили наемные отряды, вопросы дисциплины решали жестко, да и сам парень сослуживцами сильно не поддерживался, но спину мне ему подставлять было глупо. Попытка расчистить путь к карьере, освободив дорогу от конкурента, от этого человека выглядела довольно-таки реальной.

Помимо обязанностей, что бы ни случилось, держать ротный значок в вертикальном положении, на знаменосце висела ставка командира группы управления и профоса – палача подразделения. В последнем ему всецело помогала четверка ассистентов знаменной группы. Чтобы не бездельничали в свободное от караулов при знамени и командирской палатке время. При всей забавности такого совмещения идеологический посыл возложенных на знаменную группу задач был довольно прост и отлично действовал на необразованные мозги завербовавшихся в роту крестьян и городского отребья – руками знаменщиков их порола и вешала рота, значку которой они присягнули, исключив тем самым себя из «гражданского» правового поля.

Ассистентами знаменосца в нормальных ротах назначали находившихся в шаге от капральства опытных дубликариев. В нашем случае это были такие же, как сам Лич, недавние охотники на вампиров, решившие повидать мир вдали от города за излишней в нём известностью, переждать время, пока в катакомбах БирЭйдина о них подзабудут. Капитан тут

надо сказать не оплошал, навыки вампиробойц для этих обязанностей были весьма к месту, выделять на знамя дефицитных полноценных солдат при наших проблемах с кадрами было неумно. Оставшихся выходцев из гильдии кэп раскидал по капральствам – в полноценном строю, они, конечно, до этого не сражались, однако у парней были яйца и относительно приличный даже на фоне выходцев из благородных семей, не то, что у среднего вновь завербованного наемника, уровень владения оружием. Этой категории не хватало скорее специфического опыта.

К знаменщикам под тем же командованием тесно примыкали барабанщики и горнисты из так сказать группы связи.

Штатным председателем военного трибунала роты являлся первый лейтенант. Он же держал на себе ответственность за лагерь и внутреннюю службу в нем. На мне висело все остальное – разведка и караульная служба в том числе. Капитан в этой системе осуществлял общее руководство и был лицом, к которому приговоренные трибуналом подчинённые должны были обращаться апелляции.

Лагерем Боу рулил в основном руками здорового, почти двухметрового роста, ротного фельдфебеля Ларта Эйдера. Этакого «старшины роты» с несколько большей ответственностью на дисциплину в подразделении, по специфике служебных обязанностей являвшегося основным поставщиком клиентов в заботливые руки нашего профос-знаменосца. К Эйдеру тесно примыкал его закадычный друг и шурин

Лодан Койер – наш зампотыл, если точнее, квартир- и провиантмейстер, помимо исполнения этих непростых обязанностей нёсший на себе тяжкий груз доминирования над обозом и ошивающимися там нестроевыми.

Реально Койер как квартирмейстер роты по положению был куда ближе лейтенантам, нежели своим приятелям, однако традиции относили эту важнейшую, но нестроевую должность в зону полномочий младшего командного состава, где она была практически потолком карьеры основной части вышедших из первой шеренги наемников неблагородного происхождения. Достаточно везучих, чтобы до неё дожить и в то же время не настолько хватающих звезды с неба, чтобы преодолеть качественную ступеньку требований до лейтенанта.

Вообще и лейтенанты, и даже капитаны «подлого происхождения» встречались, тот же Хоран был живым тому примером, однако для того, чтобы добиться своего положения, им нужно было иметь таланты, заслуги и везение куда как превосходящие благородных конкурентов. В сословном обществе преимущества выпнутого в наемники младшего сына провинциального дворянина над матерым воякой из крестьян начинались уже в процессе переговоров с нанимателем. Второму нужно было быть лицом как минимум известным и уважаемым среди военно-поместной аристократии, чтобы его элементарно пустили за стол хоть сколько-то серьёзного клиента. Короче говоря, для таких уникалов лей-

тенантство открывало дорогу к получению на полях сражений прав дворянства и даже капитанского патента на свою роту⁶, так что добиться должности было непросто.

Так как я, как второй лейтенант, курировал вопросы внешней стороны лагерного периметра, квартирмейстер автоматом занял при мне место Эйдера при Хоране. Вторым моим «унтер-офицером» являлся начальник кавалерии отряда Аттибар ан Скаллис – еще один недавний претендент на лейтенантскую должность, второй сын одного из городских нобилей и друг детства нашего капитана. Что интересно, несмотря на свое происхождение, этот хитрый хлыщ, в отличие от Лича, ядом на меня не дышал. Видимо, потому, что для того, чтобы стать в роте третьим лейтенантом, в его лохе просто не хватало пары десятков всадников. Да и сам Тельф напрягал его куда как больше, чем я, и насколько можно было заметить своими амбициями и непониманием, что требуется от младшего офицера отряда наемников в том числе. Функционал этой должности, при всем теоретически уважительном отношении общества к «Охотникам», от управления собравшейся по интересам группой убийц весьма даже отличался.

Фундамент боевой мощи роты составляли изображающие

⁶ Капитанский патент – выдаваемое государством разрешение на формирование и содержание отдельного наемного отряда. Для «лица пусть самого подлого происхождения» также является автоматическим возведением в рыцарское достоинство, причем сразу в баннереты. Однако получить дворянство с патентом командира отряда наемников куда сложнее, чем без этого.

тяжелых пехотинцев солдаты, вооруженные древковым полиармом – типично земными алебардами и местными аналогами глеф и нагинат примерно в два с половиной – три метра длиной. Копейщиков было немного. Данное оружие, как это было ни странно на фоне вооруженных ими императорских легионов, среди наемников Хейена считалось оружием нищеты из второсортных отрядов, и брали его владельцы в приличные роты неохотно. В нашем случае вооруженные копьями бойцы предпочли вложиться в защитное вооружение и мечи, что было замечено при вербовке. Доспех для желающего пережить первое сражение солдатика в наемных ротах весьма приветствовался, щиты благодаря упору на требующее двух рук древковое оружие их заменить не могли.

Основной причиной такого предубеждения против копий, по-видимому, была специализация хейенских мерсенариев на конфликтах низкой интенсивности с их засадами, осадами, фуражировками, штурмами и генеральными сражениями редко, когда больше пары тысяч человек с каждой стороны. Сравнительно короткие колющие копья в комплекте со щитами были оружием плотного строя, чье незначительное превосходство над колюще-рубящими алебардами и глефами по длине никак не компенсировало проигрыша в универсальности, а до дающих нужное качественное превосходство длинных пик тут ещё не додумались.

Капральства в пехоте «по штату» должны были состоять из двенадцати человек каждое. Применительно к строю – че-

тыре ряда по три человека в каждом в «одинарном» построении; три по четыре в «усиленном»; и два по шесть в «двойном». Это даже само по себе показывало, как это мало — семнадцать опытных и сравнительно опытных наемников на массу завербовавшегося к нам мяса. Пусть даже с усилением более или менее подготовленными новобранцами младшего командного состава остро не хватало. На взвода или что-то на них похожее рота не делилась, мы с Хораном находились на положении замов её капитана, а не командиров подразделений. За капральства всецело отвечали их командиры и ротный фельдфебель, лейтенанты принимали под свое командование нужное число «отделений» по складывающейся ситуации. Кавалеристов ан Скаллис разделил на два десятка, оставив вне их только своего ординарца-телохранителя — того самого недожреца.

Курируемый мной ротный обоз, как это было ни удивительно, был гораздо более примечателен, чем боевые подразделения. Людей там столовалось немало, но при этом значительная часть нестроевых в списках отряда как таковая не числилась. Эту информацию, к слову сказать, наши аналитики тоже упустили, что между делом привело меня к острому приступу сочувствия к преподававшим на островной базе Штирлицам и их более невезучим коллегам. При таких вопиющих упущениях в мелочной базовой информации продержаться в «Большом Хейене» хотя бы год, для засылаемой с Земли агентуры становилось весьма нетривиальной задачей.

Вообще, насколько я мог видеть, именно обоз был сердцем роты. В наемники люди вербовались не для того, чтобы оставить свои кишки на безымянном поле сражения во славу своего нанимателя, а для того, чтобы на войне зарабатывать. Заработок в ходе боевых действий складывался из жалованья и трофеев, кроме того, живущий войной профессионал неизбежно обрстал личным имуществом. Короче говоря, мне потребовалось приложить некоторые усилия, чтобы не показать удивления наличию в обозе уже сейчас не только повозок под ротное имущество, но и личных, принадлежащих ротному истеблишменту. Причем не только офицерам – комитам и младшему командному составу, но и нижним чинам – пускай даже и вскладчину.

Регуляция количества обозных повозок была в полномочиях квартирмейстера и капитана, однако на ограничение их числа без веских причин народ смотрел очень косо. Помимо перевозки награбленного барахла и личного имущества на этих телегах перевозили и своих раненых, да и вообще, иметь в обозе больше пары-тройки личных повозок было не очень рациональным даже для владельца предприятия. При этом ездовые повозки с ротным имуществом вкупе с плотниками и кузнецом состояли в списках отряда, а вот возчики «личных» обозных телег, абсолютно также административно подчиняясь квартирмейстеру, содержались не на ротные, а на личные средства нанимателей. Вне зависимости от источника денежных средств, данные должности в ротах стара-

лись бронировать для своего брата наемника, заполучившего в боях инвалидность. Известных из земных исторических романов маркитанток в армейских обозах Империи обычно тоже было немало, однако конкретно «Вепри» ими ещё не обзавелись.

Короче говоря, у каждого гвоздя в ротном обозе был конкретный хозяин, что, к слову сказать, очень благотворно действовало на любителей «первой армейской заповеди». Воровство у коллег общественностью не одобрялось, в лучшем случае за это рубили руки, в худшем – вешали. Или наоборот. Смерть в петле, по крайней мере, была бы быстрой. На сочувствие подобные хитрованы рассчитывать не могли при всем своём желании. Принцип «государственное – значит ничьё» тут не работал даже в отношении не то чтобы частного, а ротного имущества. Капитан был владельцем бизнеса, соответственно спи...ть, и загнать соседям что-то типа весьма недешевого содержимого повозки с дефицитными узлами и деталями осадных требушетов значило обокрасть его лично, вполне вероятно спровоцировав этим ещё и конфликт двух наемных отрядов. За такое дело бывшие боевые друзья и спустя долгие годы могли достать.

Старший ан Феллем, собирая своего потомка на войну, на затраты не поскупился. Допустим, те же железки и канаты под постройку метательных машин у нас, в отличие от основной массы наемных отрядов, присутствовали уже сейчас. Это делало роту уникальной хотя бы потому, что она

только готовилась к своей первой кампании. Я бы, конечно, предпочел, чтобы он солдатиков в железо одел, пусть даже списанное со складов городского УВД, но тут старый мент был непреклонен – верил в людей Мохан ан Феллем, видимо, еще меньше, чем я, соответственно не хотел развращать подчиненных сына неспровоцированно творимыми в их отношении благодеяниями.

Капитан традиционно доплачивал из личных средств и обеспечивал модным прикидом и вооружением одних только своих драбантов – телохранителей и порученцев. В нашем случае это была все та же палаческо-знаменно-сигнальная группа. Всем остальным было положено крутиться самим. И я бы сказал, что в таком подходе что-то было – вся моя жизнь была живой иллюстрацией, что не заработанные потом и кровью блага люди не ценят. Денежное содержание аэронских наемников вполне себе позволяло о себе позаботиться.

Лично мне как второму лейтенанту роты полагалось денежное содержание в четыре аэронских бизанта⁷ в сутки. В месяц такая получка давала десять золотых ауреев, читай, что на скверную «бюджетную» кольчугу я зарабатывал за три-четыре дня. Остальные получали, конечно, поменьше, мое жалованье равнялось получке наемничающего с неболь-

⁷ Бизант – когда-то давно золотая, ныне (в Аэроне) самая крупная из серебряных монет. Номинал – 1/12 аурея, масса монеты в пределах 30–31 грамма серебра.

шим отрядом баннерного рыцаря, однако сэкономить на бухле и пряниках, скопив за полгода на приличные шлем, панцирь, фальшион и алебарду, могли себе позволить даже рядовые бойцы.

Стоимость хорошей алебарды начиналась с того же бизанта, если точнее двенадцати серебряных тетр⁸. Даже самая что ни на есть низкооплачиваемая категория наемников, бездоспешные щитоносцы «скутаты», без сильной экономии на желудке могли заработать на нее нужную сумму самое большее за месяц.

В целом избранная профессия, прямо как у бандитов девяностых в России, была довольно-таки опасной, но очень высоко оплачиваемой. Жаловаться на жизнь было грешно. Особенно после того, как мне выдали аванс, чтобы я мог купить себе строевого коня, повозку и нанять слуг. Тех мне требовалось как минимум двое – ездовой – охранник на телеге с личным имуществом и непосредственно личный слуга-оруженосец, делающий жизнь комфортной. Стираться и готовить вечерами похлебку на костре мне – как лейтенанту – было не по чину. По уму следовало бы содержать даже троих, второго слугу или пажа вместо него. Работы для них хватало в любом случае, а денежное содержание «лагер-

⁸ Тетра – когда-то бронзовая, после последней денежной реформы самая мелкая из серебряных монет Аэрона, 1/6 от полубизанта/драмы и соответственно 1/12 от бизанта. Бронзовые тетры сохранены к использованию как платежное средство, однако ходят в небольших объемах и в основном в глухих уголках Империи, чеканка их прекращена.

ных» слуг еще и компенсировалось руководством предприятия, так как они относились к категории носящего оружие и участвующего в битвах люда.

Армии Хейена и Земли разделяла бездна, но люди в этом мире в целом меня ещё не удивляли, так что найти себе хозобслугу я предпочел через квартирмейстера. Данным ходом мной убивались сразу два зайца: с Койером налаживался психологический контакт, а я получал проверенных и надежных в плане краж и сохранения личного имущества людей. То, что кто-то из них, а может быть даже оба, могут, а вероятнее всего, даже будут на меня стучать, на данном этапе не волновало. Кроме расходуемых омолаживающих микстур скрывать мне пока было нечего.

Квартирмейстер, как и ожидалось, не подвел. Ездовым он мне порекомендовал нанять бывшего легионера, наемника и городского стражника Дая Эмриса, уже в ходе службы во внешней городской страже Бир-Эйдина чудом оставшегося в живых после стычки с бандитами, оставив на земле вместе с здоровьем три пальца на правой руке, что полностью лишило мужика возможности держать меч. До пенсий инвалидам правоохранительных органов тут не додумались, однако забота коллег о ветеранах весьма приветствовалась, что, собственно, нас и свело. Для подобного инвалида из бывших дубликариев две серебряные тетры в день были не то чтобы отличным, а великолепным заработком, примерно соответствующим дневной получке такого квалифицированного

специалиста, как плотник или там кровельщик. Да и помимо его прямых обязанностей, знакомства, знания и опыт этого человека тоже вполне могли пригодиться.

Нанявшийся слугой Йон Гленни на фоне такой глыбы был куда более сер и непримечателен, представляя собой недавнего непрофессионального охотника на вампиров, решившего отомстить тем за сестру, высосанную на ночной улице. Отомстить конечно же не получилось, а вот самих мстителей кровососы в оборот взяли. Парень потерял семью, семейное дело и практически все имущество, оставшись в том, в чем был. По причине голодранства в строй его не наняли, однако родня Койера зналась с его покойными родителями достаточно близко, чтобы тот помог найти иной вариант. Семья парня владела небольшим постоянным двором, так что лакейская служба его не напрягала, да и с оружием он тоже обращался довольно уверенно.

За валом личных дел нюхнуть службы я в целом даже не успел. Аэронское наемничество слоган «Время – деньги» понимало и принимало, так что долго платить людям из своих средств наш юный капитан не собирался, уже на третьи сутки после моего появления выстроив роту на строевом смотре перед уполномоченным представителем нанимателя.

* * *

Вообще все три дня жизни внутри средневекового наем-

ного отряда не выпускали меня из ощущения непреходящего ада и ужаса, однако состоявшемуся в сени лип центральной аллеи загородного поместья ан Феллемов строевому смотру удалось поднять эти ощущения на невиданную высоту.

К порнографическому виду наших разномастно вооруженных и одетых орлов я уже привык. Вид на построении роты был далеко не как от коробки кремлевских курсантов перед парадом на Красной площади. Однако, когда на просторную площадку перед усадьбой загородного поместья ан Феллемов вылетела кавалькада разнаряженных как попугаи всадников, сопровождаемых еще тучей слуг, этот парад приобрел какой – то оттенок сюрреализма. Хотя бы потому, что ядро этой приемной комиссии наполовину состояло из баб.

За соседей своих не поручусь, но меня самого эти напомаженные и замотанные в шелка и кружева куклы оставили равнодушным. Украшенные перьями шляпки и платья в стиле Скарлетт О'Хара земные портные, безусловно, шили порядка на два удачнее. Что же касается полупрозрачного шелка, прозрачных кружев, по незнанию пытающихся соперничать с «бразильскими попами» турнюров и не менее нагло, чем у нас, мозолящих мужские глаза из декольте сисек, то они после разбавленных стриптиз-барами и страницами мужских журналов земных улиц больше нагоняли скуку. Взгляд останавливался разве что на паре «пацанок» в украшенных вышивкой брючных костюмах, дополненных богато выглядевшими прямыми мечами у седла. Хотелось

как можно быстрее с этим делом закончить и накатить. Вино из погребов поместья, где рота формировалась, какой сорт там ни возьми, ощущалось едва ли не божественным нектаром. Командный состав роты, включая, кстати, туда ротных «прапорщиков», квартировал в особняке в статусе гостей хозяина и коллективом на вечер планировалось отвязное пати «без мордобоя, но с шлюхами» в честь первого найма.

Стоявший рядом квартирмейстер, глядя на амазонок с их, как вторая кожа обтягивающими бедра рейтузами, только грустно вздохнул. Зверообразная морда Койера и кулаки размером с полукилограммовую банку кофе, со случайно залетевшими под шлем мыслями об упадке нравов среди современной аристократии особенно не вязались, однако я для своего развлечения и общего разгона скуки все же поинтересовался:

– О времена, о нравы? Куда с таким развратом катится мир?

Койер, будучи отнюдь не дураком, иронию уловил, однако ответил без всякой шутки:

– Да пусть хоть перья иль лошадиный хвост в жопу засунут...

– Хыгы...

От моего смешка старый наемник осекся, даже немного изменившись в лице. Мне не ко времени пришли в память изюминки шалостей героинь некоторых популярных женских романов, так что смешок и цинично-понимающая

ухмылка вылетели наверх абсолютно бессознательно, полностью сбив этим собеседника с мысли.

Держать в себе такое было выше человеческих сил. С ассоциациями в конце-то концов у меня все было в порядке. После жизнеописаний всяких мадам Помпадур известное видео современной мне купчихи Хилтон выглядело милым, домашним, безобидным и для кое-кого, возможно, даже полезным. Как минимум, в отличие от маркизы и ей подобных светских львиц в политике эта девушка не крутилась.

– Ты знаешь, старый, – ещё раз забандажировав неистово рвущееся наружу из глубины души ха-ха, я бросил в сторону красавиц вороватый взгляд, – вслух такие вещи лучше упоминать не будем. Пути развлечения аристократии неисповедимы. Можем и угадать. Случайно.

Койер издал такой звук, словно собирался подавиться, и упавшим голосом буркнул:

– Я на мечи смотрел.

Фантазия у мужика оказалась на диво богатой.

– А что с мечами? – заинтересовался я.

Снедаемый грузом вполне понятных мыслей квартирмейстер, которого мне впервые в ходе нашего знакомства удалось загрузить, все же решил ответить:

– Мечи альвов у них. – Подумал и добавил: – Даже отсюда заметно.

– И что с того? – Развивать шутку было лишним. – Часто видел, что на поле боя по-настоящему дорогие мечи све-

тятся? Там от них совсем другое требуется, чем во дворце на окружающих впечатление производить. Работа работой, а сталь, что на них пошла, очень сомневаюсь, что сильно лучше, чем у твоего фальшиона будет. В церемониальном оружии хорошее железо не обязательно. Да и нам с тобой такой меч в любом случае не по чину.

Я еще раз глянул в сторону светских красавиц и закончил мысль:

– Не успеешь вовремя продать – в легкую свои же зарежут.

Взгляд рядом, наверное, можно было потрогать рукой. Боудел Хоран, ничуть не скрываясь, прямо-таки жег глазами меня и скьявону, висящую на перевязи. Принаряженный к строевому смотру Гленни с цвайхандером и моим шлемом под мышкой стоял за спиной и с неподвижным лицом смотрел в бесконечность.

* * *

До двуручника уполномоченная комиссия, точнее уполномоченное нанимателем лицо с его близкими друзьями и прицепилось. Причем, словно услышав наш разговор, заинтересовал цвайхандер именно одну из тех продвинутых красавиц, в отношении которых мы перемывали кости и выдвигали гнусные сексистские предположения.

– Лейтенант, не покажете ли мне ваш меч?

Задавшая вопрос девица красотой блистала не особенно,

косметикой пренебрегала вовсе, имела аккуратно уложенные рыжеватые волосы, с декольте на своем изящном брючном костюмчике, в отличие от второй модницы, скромничала и чертами лица чем-то смахивала на хорька. Единственное, что в ней действительно привлекало, так это глаза, которые зеркало души. Какие бы у девушки ни присутствовали недостатки внешности, с интеллектом, безусловно, всё было неплохо.

Однако заданный мне вопрос был довольно скользок. Вне данного строевого смотра в такой вежливой просьбе не было ничего страшного или неприемлемого, а вот в ходе самого мероприятия, тем более при таком количестве присутствующих благородный человек вполне мог посчитать его и оскорбительным. Позволять же кому-либо в себе сомневаться мне, как самозваному дворянину, совсем не стоило. Так же как, впрочем, и нарываться на конфликт. Вставший неподалёку капитан, скрываясь от окружающих, скорчил мне страшную рожу, чтобы я выполнил желание прекрасной леди.

— Было бы бессовестно вам отказать... — я безразлично пожал плечами, расстегивая шлевки ножен поданного мне оруженосцем двуручника, — но нельзя ли в ответ оценить ваш? У нас тут произошел небольшой спор, по поводу работы и качества стали, что на него пошла. Хотелось бы узнать, кто оказался прав.

У Койера дернулись вверх брови в немом удивлении, Хо-

ран перекошил рыло в ухмылке и отвернулся, маленький ан Феллем скосил на девушку взгляд и на долю секунды слепил мне ещё более страшную физиономию, чем только что, так что я и сам едва-едва удержал улыбку. Неглупая дева, что интересно, все эти реакции конечно же засекала.

– Да? – И девушка, и окружающие смотрели на меня с несомненным интересом. – Это может быть любопытно. Хорошо разбираетесь в оружии?

– В какой-то мере. – Я спокойно стягивал ножны с клинка.

– Фер⁹ Вран, в какой-то мере это не ответ. Настоящий мужчина либо разбирается, либо нет. – А вот это уже было прямым и неприкрытым хамством. И что самое неприятное при этом, хамством от уполномоченного представителя нанимателя – фера ан Галлоба, щегольски и дорого одетого мужского мужчины лет тридцати, с усами и короткой бородкой а-ля Рамзан Ахмадович Кадыров.

– Настоящим мужчиной носителя яиц... – находившиеся в окружавшей нас толпе дамы зафыркали и, не сговариваясь, притворились, что засмутились, – делает не умение раз-

⁹ Фер (на древнем кайре «блистающий») – в большинстве государств «центра цивилизации» обращение к благородному лицу. В Аэронской Империи правила титулования несколько сложнее, и фер – это обращение к благородному господину, имеющему личный титул рыцаря. Не посвященных в рыцари представителей благородных родов в данном государстве принято именовать общим с простолюдинами обращением «шен» (почтенный) либо «благородный господин». При этом надо отметить, что основная масса простолюдинов империи обращения «шен» применительно к благородным лицам старается избегать, ибо лезть гораздо лучше, чем нечаянное оскорбление.

бираться в оружие, которое оценивается со стороны, а умение вести себя как подобает мужчине, – ответил я безразлично-спокойным тоном и подчеркнуто вежливо, однако двойное дно ответного оскорбления тоже было отмечено всеми присутствующими, конечно же включая и униженное мной лицо.

– А вы умеете?

– Это тоже проще всего оценить со стороны. – В рамках выбранной роли нужно было всего лишь сохранять спокойствие.

– И кто же может вас так оценить? – Галлоб пытался зацепиться за мое не самое лучшее владение языком, а значит, и иностранное происхождение. Благородного господина, однако, серьёзно закусило от неожиданного отпора на глазах зрителей.

– Покойники в основном, – всё так же спокойно отрезал я, подарив оппоненту ледяную усмешку и для пущего эффекта встретившись с ним взглядом.

Смешки и улыбки среди окружающих нас лиц исчезли как по волшебству. Совсем недавно вполне безобидная пикировка, если кто-то не сдаст назад, выводила нас к поединку прямой дорогой.

– Все так говорят. Кого-то более разговорчивого не назовете? – После некоторой заминки ан Галлоб нашелся с ответом. Было непонятно, хочет ли он развития конфликта, однако сливаться при таком количестве свидетелей ему точно

было стыдно.

– Не могли бы вы успокоиться, благородные господа? – Послужившая причиной для конфликта девушка, кивком попросив у меня разрешения, перехватила цвайхандер за рикассо и, проведя пальцами по выбитой на клинке надписи, словно бы попробовала её на вкус – «Цену жизни спроси у мертвых». Будет весьма неприятно, если кто-то из вас по такой глупой причине познает мудрость сего девиза.

Ан Галлоб взглянул, куда ему указывали, посмотрел на меня, потом опять на меч, опять на меня, хотел что-то сказать, однако поймал тяжелый взгляд девицы и увял. Кем бы она ему ни была, портить с ней отношения «по такой глупой причине» он не собирался.

Девушка тем временем щелкнула пальцами, откуда-то сзади появился слуга, получил приказ и убежал к коню за мечом. Взор леди обратился на застывшего рядом, как соляной столб, ан Феллема:

– Капитан, не будете ли столь любезны, чтобы нас представить?

– Разумеется, ваше сиятельство!

Ситуация становилась любопытной, для того чтобы связать это титулование с только что произошедшим конфликтом, особых логических способностей не требовалось. Рота нанималась в армию графа Даммона ан Хальба для участия в споре хозяйствующих субъектов с бароном Реддоком ан Саганом. Ан Галлоб по содержанию своих обязанностей не

мог не быть никем другим кроме мелкопоместного вассала графа, отправленного в Бир-Эйдин нанимать для него солдат. В принципе титулование «ваше сиятельство», конечно, могло относиться и к посторонней юной графине, на которую у Галлоба имелись планы, однако наиболее вероятной причиной такого наезда, как я оценил, была её принадлежность к роду сюзерена, за честь которого он был вынужден вступить перед обнаглевшим наемником.

– Фер Вран ден Гарм из Халкидона, что на том берегу Великого океана, второй лейтенант «Вепрей Бир-Эйдина», – по всем правилам представил меня капитан. Я вежливо поклонился.

– Ее сиятельство графиня Элина ан Хальб, прекраснейший цветок рода ан Хальбов... – наш юный кэп, впечатленный только что состоявшейся склокой, насколько мог технично пытался сгладить лестью возможный политический вред, девушку этим, впрочем, не купив.

– Интересный меч... – Меня тоже вежливо одарили поклоном и, не обращая на ан Феллема никакого внимания, перешли к делу. – Если судить по смерти молодого ан Реннедерна, оружие в умелых руках опасное. Но не могу взять в толк, как с ним обращаться.

Графиня достаточно неуклюже взмахнула мечом, тяжело перевела рубящий удар в прямой укол с выпадом, неловко прикрылась от воображаемого ответного удара и, уткнув острие в землю, оставила мой доппельхандер в покое. Три с

половиной килограмма массы двуручника – это не так уж и много, чтобы она не могла с ним управляться, гораздо больше девушке мешали его длина и гарда.

– Он далеко не столь тяжел, как кажется со стороны, но фехтовать при такой длине и массе...

– Владение им дело, конечно, непростое, да и не для всех этот меч подходит, но у такой конструкции есть несомненные преимущества, – пришел я к ней на помощь, вежливо перехватив цвайхандер. – К примеру, та же длина. Это и сила удара, и лишний шаг врага, который потребуется, чтобы вас достать. Рикассо позволяет менять хваты, – я крутнул мечом, используя хват у фальшгарды как точку вращения, закрылся удерживаемым горизонтально двуручником и на отшаге назад рубанул перед лицом ан Галлоба из левой верхней четверти, сразу же после этого вернув меч в исходное положение. Недавний оппонент, сволочь такая, держать лицо всё же умел и даже не поморщился.

– С ним, я бы сказал, правильнее использовать принципы фехтования длинным древковым оружием, да и силы требует очень немалой, одного искусства тут будет недостаточно.

– Интересный меч, – повторилась графиня, искренне и доброжелательно мне улыбнувшись. Улыбка, я бы сказал, у нее тоже была очень красивая. – Я бы взяла пару уроков.

– Пары уроков вам точно не хватит.

Среди дам из окружения графини замелькали улыбки.

– Да и вообще, этот лом я бы вам точно не рекомендовал.

Улыбки увяли.

– И почему же? – Девушка чуть-чуть нахмурилась.

– Если фехтование требуется, чтобы держать фигуру, традиционной железки вам будет за глаза. – Я кивнул в сторону спешившего к нам слуги с ее мечом в руках. – А вот в случае интереса, лежащего, так сказать, в практической плоскости, самым лучшим выбором будет не меч, а что-то типа глефы, как бы она ни называлась. Меч в данном случае больше будет забавой. Бездоспешного разбойника у дороги зарубить самое большее.

Практически все благородные зрители вокруг возмущенно зашумели, я неполиткорректно топтался на святом. Не поддались гипнозу только ан Феллем и на удивление спокойный ан Галлоб, очень и очень серьёзным взглядом меня рассматривающий.

– Даже так? И почему же вы так считаете, фер Вран?

Я деланно равнодушно пожал плечами:

– Очевидный ответ. Чтобы полноценно фехтовать и пробивать доспехи, вам будет нужна сила, которой у вас нет. Почти, я бы сказал, даже что любой противник, с которым вы встретитесь с мечом в руках, будет сильнее вас. Большинство – гораздо сильнее. Это значит, что вам те же жесткие блоки оружием в принципе противопоказаны. Пробьют. Все, чем вы можете брать на мечах, это отводы и скорость, и точность при работе по уязвимым зонам. Больше у вас ничего нет. Уже со средним бойцом вы даже дистанцией управлять

будете с очень большим трудом. При такой длине шага и рук там, где врагу потребуется один шаг, вам будут нужны два.

– Хм-м, – графиня задумалась и одарила меня серьезной улыбкой, – а неблагородная глефа чем тут мне может помочь?

– Своей длиной. С ней вам будет проще держать дистанцию, да и сила удара из-за той же длины древка серьёзно выровняется.

Койер, до этого изображавший из себя дерево, издал непонятный горловый звук и, не удержавшись, согласно с моими словами кивнул. Фельдфебель, стоявший за ним, изволил, доброжелательно подмигнуть. Боу на долю секунды скривил губы в подобии улыбки и тоже закивал. Довольный ан Феллем смерил окружающих орлиным взглядом и довольно приосанился.

– Подумаю над вашими словами. – На меня смотрели, возможно, даже с симпатией. – Однако теперь, фер Вран, я жажду узнать, что вы расскажете о моем «листике».

В последних словах уже присутствовала легкая насмешка.

– Можно? – Пришлось сделать вид, что издевки в ее словах не заметил. Слуга, точнее сказать паж, уж слишком дорого был одет парень, уже стоял рядом.

Ирония девушки была вполне оправданна, я не представлял даже приблизительно, сколько меч может стоить. Даже не вынимая его из ножен, оружие представляло собой настоящее произведение искусства, все в серебряном раститель-

ном орнаменте. Также украшенное серебряной чеканкой золото использовалось в массивных деталях – на наконечнике, заклепках и оковке устья ножен, а также на пятке и гарде, точнее, наверное, будет назвать ограничителе на самом мече. Даже крестовиной этот узел с напалзающими на оковку «клыками» назвать было сложно – никаких функций кроме воспреещения сдвига ладони на лезвие и фиксации меча в ножнах он не нес. Сам клинок, судя по рисунку стали, самый настоящий булатный, был украшен серебром в том же ключе. В целом, конструктивно он представлял собой что-то типа легкого китайского «цзяня» с вычурной полуторачной рукоятью.

– Сталь случайно мороза не боится?

Не понявшая сути вопроса графиня наблюдала за мной с ироничной полуулыбкой. Общественность шепталась, кое-кого «глупый» вопрос откровенно развеселил. Коллеги давили в себе зависть пополам с алчностью.

Я слегка согнул меч, чтобы определить жесткость клинка, крест-накрест секанул перед собой и тут же перевел в укол куда-то в направлении горла цели. У изделия, с предположениями о качестве стали которого я облажался, одна довольно распространенная проблема церемониальных клинков всё-таки обнаружились. Всё было очень плохо с балансом.

– Рукоятка родная или меняли, ваше сиятельство?

Аккуратные брови девушки дернулись вверх в нескрываемом изумлении.

– Вы так легко можете определить?

– В украшениях не силен, однако с этой точки зрения меч, безусловно, произведение искусства...

Заинтригованная графиня самодовольно улыбнулась.

– Я больше по прямому назначению оружия специалист. Скажу так. Сталь великолепна, дальнейшая работа кузнеца тоже достойна самых высоких похвал. А вот центр тяжести меча слишком сильно сбит к крестовине, это, мягко сказать, выбивается из картины мастерства создателей изделия.

Я щелкнул по псевдогарде пальцем.

– Примерно на ней и находится. Исходная рукоять не сталью или серебром оковывалась?

– Не знаю, – отрицательно покачала головой графиня.

– Я думаю, либо сталь, либо серебро. В этом случае ножны могут быть новоделом под орнамент, либо тоже переделывались.

– Да, их изготавливали по образцу старых, – кивнула девица, вернув на лицо загадочно-ироничную полуулыбку.

– Довольно заметно.

– И почему?

Вторая «девушка в брюках» – симпатичная блондинка с глубоким декольте, открывавшим взгляд на более чем достойную популярности в мужских пабликах грудь, что стояла по правую руку от подруги и с интересом следила за разговором, – покосилась на графиню и одарила меня ехидной улыбкой. Остальные гости о чём-то тихо шушукались между

собой.

– Если предположить, что рукоять тоже изготавливали по образцу старой, баланс при замене стали на золото не мог не измениться. Золото это очень тяжелый металл. Пожалуй, что все. С металлом клинка был неправ. Если поставить хорошую крестовину и менее тяжелую рукоять, получится прекрасное боевое оружие. – Я вложил меч в ножны и с вежливым поклоном вернул хозяйке. Мне ответно поклонились.

– Фер Вран, спасибо за ваши слова. Мы их обязательно обдумаем. – Пришлось еще раз девушке кланяться, мысленно проклиная всю эту куртуазность. Благо, что графиня со мною не закончила.

– Что вы делаете сегодня вечером?

Свита девушки в очередной раз вцепилась в меня взглядами.

– Полагаю, что пьянствовать, отмечая наш первый найм, – усмехнулся я. Мило врать или что-то придумывать было лень, я не в запойном алкоголизме признавался, а про распутных девок она и сама бы ничего узнать не хотела.

– Вам не покажется странным, если я скажу, что в ресторации «Золотая дрофа» вино пить будет приятнее, чем где-либо ещё?

– Слышал об этом заведении, – я согласно кивнул головой, – однако между такими, как я, и его завсегдаями лежит пропасть, и я совсем не уверен, что мне хочется ее преодолеть.

Уже графиня ехидно мне усмехнулась и резко повернулась к капитану.

– Фер Лойх, вы с вашими лейтенантами так мало зарабатываете, что не можете себе позволить поужинать в «Золотой дрофе»?

Тот кинул на меня мрачный взгляд.

– Я бы так не сказал, ваше сиятельство.

– Вот и прекрасно! – Графиня даже хлопнула в ладоши, якобы от прилива чувств, – Значит, сегодня вечером надеюсь вас с лейтенантом там увидеть. Капитан, не подведёте мои надежды?

– Мы будем, – поклонился ей ан Феллем.

Девушка повернулась ко мне и погрозила пальцем.

– Вы обещали!

Вот мля! Даже сказать что-то было непросто. И когда же я это успел что-то ей пообещать?

* * *

Большинство коллег после строевого смотра было в восторге, один Лич, заполучивший еще один повод для неприязни, бычился в стороне. Пошляк Хоран, в котором, как оказалось, дремало чувство юмора, решил меня даже немного морально поддержать, абсолютно как на Земле опустив кулаки на уровень поясицы и часто-часто задвигав тазом.

– За нашу роту! За «Вепрей Бир-Эйдина»! – И сиплым

таким голосом, сука.

– Даже если под подушкой лошадиный хвост на палке обнаружится, то это все ради роты, лейтенант! – Большую фантазию квартирмейстера моя понимающая ухмылка тоже не отпускала.

Ан Феллем шуточки наших людей оценил, однако в разговор вступил чисто с практической стороны:

– «Золотая дрофа» очень приличное заведение. Есть что-нибудь достойное туда надеть?

– Меня гораздо больше заботит, сколько вечер в этом заведении сожрёт у меня денег.

– Без игры больше большого золотого за вечер спускать не доводилось, – пожал плечами наш мажор капитан.

Я присвистнул, окружающие заушмылялись.

– Какие скромные цены... по столичным-то меркам. Прямо каждый день обедать там можно.

– Один раз живем. – Как бы ни улыбался Лойх ан Феллем, вполне обоснованно считая ситуацию довольно забавной, он был хорошим парнем и, ему не требовалось объяснять, что значит слово «товарищество». – Тебя уже завтра вообще убить могут. Гордись, многие за право взглянуть, как отдыхают хозяева Бир-Эйдина, и глаза не пожалеют.

– В таких заведениях все всегда одинаково. Что я там такого нового могу увидеть? – склочно огрызнулся я, будучи непритворно раздражен. Натуру старого прапорщика давила жаба. – Меня даже не столько жаба душит, сколько пустая

потеря вечера, каких-то высокородных куриц развлекать – ни яйца с ними почесать, ни громко пёрнуть.

– Хмм, – пожал плечами фыркнувший капитан, – не так давно ты как на уроке риторики распинался. Сомневаюсь, что тебя ждёт что-то худшее.

– Ошибку понял и осознал. – Раздраженно повёл я плечами.

– Не такая уж и ошибка, – не согласился со мной ан Феллем. – Так заинтересовать благородную даму пытаются многие, а вот получается не у всех.

– Хэ... Я бы тебе рассказал про тех, кем, бывает, интересуются высокородные дамы. – На вырвавшуюся фразу сделали стойку буквально все, кто ее слышал. Даже косивший исподлобья знаменосец бессознательно вытянул шею, чтобы лучше слышать. – Но не буду. Девушка, конечно, интересная – и умница, и улыбка красивая, – но, к сожалению, не в моем вкусе. Да и не люблю я личных отношений в денежных делах, и тебе на будущее то же советую. Рано или поздно выходит боком.

Капитан воспринял мои слова неожиданно в серьёзном ключе.

– Спасибо за совет, фер Вран. Отец мне не раз это же говорил и почти теми же словами.

Излишне приподнятое настроение комсостава нашей роты как обрезало. Лойх ан Феллем, несмотря на свой возраст и всё ещё тщательно сбрасываемый каждое утро юношеский

пушок, поставить себя сумел. Если ему чего-то и не хватало, чтобы стать полноценным капитаном, то только опыта.

– Но нам это не грозит, – продолжил парень. – Мужчина ты, безусловно, видный, однако с госпожой ан Хальб не всё так просто. Она в свете хоть и считается «дикаркой», однако репутация у этой девушки безупречна. Не считая того, что она даже сама по себе не проста.

– Если такая женщина захочет мужчину к себе в постель затащить, никуда он от нее не денется.

Мысленно я усмехнулся, кэп был слишком молод для такой невероятно отдававшей неглупой женщиной мудрости.

– Но упаси его боги ей этим неприятности принести.

– Спасибо за разъяснения, фер Лойх. – Тени иронии в этой фразе я всё-таки не сдержал, но капитан сделал вид, что этого не заметил.

– Не идти нам нельзя. За стол к настоящим высокородным, таким, как мы, благородным господам¹⁰ попасть не просто, а тут все прямо в руки идёт. Деньги не все растратил?

На обзаведение имуществом мне ссудили получку на месяц вперед, учитывая, что я с этого десятка золотых уже купил строевого коня с седлом, две тягловые лошади, повозку и все такое прочее по мелочи, до походного котла и тарелок включительно, вопрос был к месту.

– Сколько ты говорил за вечер там можно оставить? Пару

¹⁰ В данном случае термин «благородный господин» употребляется в качестве титулования.

ауреев? Займешь? Что у меня осталось, всё расписано. Что останется, утром отдам.

– Займу. – Кивнул капитан. – Возвращаемся к моим словам. У тебя приличная одежда сходить в заведение для богатой публики найдется?

– Да, одалживаться на нее не надо.

Все окружающие засмеялись.

* * *

Заведение «Золотая дрофа» в полном смысле этого слова элитным рестораном не являлось. Скорее его можно было назвать чем-то типа средневекового казино, объединявшего в себе несколько игорных залов, конюшни, театр, бордель, элитный ресторан и, возможно, что-то ещё в одном флаконе. Сервис предусматривал даже специальный быдло-зал для слуг благородных господ и городского простонародья, которые могли там подождать нанимателей, поужинать и зайти испытать свою удачу, дав этим заведению дополнительную прибыль.

Компания графини к нашему появлению оккупировала стол в VIP-зале ресторанной части комплекса, наблюдая за сценой, где смахивающая на привидение напудренная девица тренькала на арфе и что-то там пищала о любви.

– Ваше сиятельство! – В отличие от меня, капитан был ярок и блистал, нацепив на себя моднявые обтягивающие

рейтузы и нечто похожее на длинный приталенный дублет без воротника, украшенный по темной ткани серебряной вышивкой, родовым гербом на груди и сшитыми из желтых и красных полос рукавами. Шапочка без пышного пера тоже не обошлась.

Я, конечно, выглядел куда более скромно, но если не приbedняться, то бедным родственником на его фоне не смотрелся, отжимая свое не яркостью красок, на чем пытались играть местные кутюрье, но продуманностью, покроем и функциональностью своего «выходного» костюма, успешно спасенного в сундуке с нашей потонувшей бригантины. В ходе спасения которого я, собственно, в Большой Хейен без боевых товарищей и угодил. Портной, шивший на Монтелигере костюмы из акульей кожи, парнем оказался удивительно профессиональным, пусть заплатил я ему немало, но стоило всё мной закупленное каждого рубля. Во всяком случае, тот же ан Феллем даже немного дрогнул лицом, когда рассмотрел костюм и входившую в комплект шляпу поближе. И это он ещё моей поддетой под куртку кольчуги не видел.

– Благородные господа! – Девушка радушно махнула рукой на свободные места за столом. – Присаживайтесь. Признаться, я уже начинала думать, что вы рискнули меня обмануть!

– Вы на нас наговариваете! – Деланно обиделся капитан в качестве завязки ничего не значащего светского разговора. Я же предпочел осмотреться за столом.

Как и ожидалось, «поужинать» в «Золотой дрофе» девушка с собой взяла далеко не всех, кто ее сопровождал на строевой смотр нашей роты. С графиней за столом сидели лишь три человека, из которых ранее я лицезрел двоих – ту самую очаровательную блондинку с большой грудью и, конечно, фера ан Галлоба, который без всякого удовольствия на меня покосился, когда я присел рядом с ним. Третьим был кисломордый старикан, невероятно похожий если не на устоявшийся в масс-медиа образ Кощея Бессмертного, то чудом пережившего период приема расширяющих сознание препаратов известного художника-акциониста, прибившего свои яйца к Красной площади. Капитана посадили на другом конце стола как раз рядом с ним.

По понятным причинам все присутствующие к ресторану приоделись – девушки в брючных костюмах уже не форсировали, обрядившись в строго выглядевшие платья тёмных тонов, мой несостоявшийся противник выглядел примерно таким же попугаем, как ан Феллем, старик, поймавший образ Кощеюшки, был во всём чёрном.

В общем, как мной и ожидалось, девушка столь чуждо выглядевший прикид пропустить не смогла, начав, однако, разговор, как это и положено, со знакомства:

– Фер Лойх, фер Вран, хотела бы вас представить вассалу, другу и соратнику моего отца, барону Альбе ан Кроаху.

Все вежливо раскланялись. Имя старика Лойху явно было знакомо, и внутренне он, видимо, соответствовал свое-

му внешнему образу, так что, как только барона представили, напряжение моего капитана стало ощущаться прямо-таки физически.

– Барон, рядом с вами фер Лойх ан Феллем, капитан «Вепрей Бир-Эйдина».

Старик ещё раз вежливо кивнул парню.

– А это фер Вран ден Гарм, один из его лейтенантов.

Мне тоже достался легкий кивок, дополненный тяжелым изучающим взглядом.

– С моей подругой и наперсницей рейной¹¹ Фенной ан Скайген капитан уже знаком, – махнула рукой графиня в его направлении.

– С первого взгляда был поражен вашей красотой, – куртуазно склонил голову я, практически не играя при этом, девушка была видная. Такую грудь гетеросексуал даже когда захочет, не сумеет пропустить, а гею шансов не оставит декольте. Если даже не содержимым, то кружевами по периметру.

– Серьёзно? – Девушка подозрительно подняла подведенную тушью бровь. Я чего-то в женской дружбе однозначно недопонимал. Было сильно похоже на то, что она, несмотря на свою внешность и цвет волос, не очень-то уступала мозгами своей невзрачной подруге.

– Как будто деньги считаю, – подтвердил я.

¹¹ Рейна – если строго, то обращение к незамужней женщине из нетитульного дворянства. В широком смысле любая благородная девушка.

– Вы не представите, как я польщена, – сделала вид, что смутилась, острая на язык красотка.

– Ну почему же, – ситуация прямо требовала развести руками и добавить в голос немного сексуальной хрипотцы, – а вдруг обуревающие нас чувства симметричны?

Улыбающаяся графиня покосилась на наперсницу и погрозила мне пальцем.

– Осторожнее, лейтенант! Фенни слывет беспощадной разбивательницей сердец!

Я еще раз развел руками типа как извиняясь, графиня продолжила:

– С моим кузеном фером Хёггом ан Галлобом вы уже немного знакомы. Ваше знакомство, конечно, состоялось не лучшим образом, но я очень надеюсь, что в дальнейшем дело наладится.

– Фер Хёгг! – Вежливо склонил голову я.

– Фер Вран! – Зеркально мне ответил вербовщик, оказавшийся не просто вассалом, а родственником графской семьи. По женской линии, надо полагать.

– Интересный фасон!.. – Графиня, мило улыбаясь, цапнула мою шляпу, которую я, присев за стол, вместе с перевязью скьявоны повесил на высокую резную спинку стула.

– Мне тоже нравится.

– И где же такие носят?

– Далеко-далеко за океаном, – практически не соврал я. Образцом для мастера служила очень удобная «ковбойская»

шляпа американских армейских кавалеристов; он даже обтягивающий тулью шнурок с кисточками с нее потянул. Я бы не удивился, если подобный фанат вестернов и менее практичный фасон прославленного ганнери-сержантом Хартманом пехотного «Smoky Bear» в уме держал, однако для Хейена и типичного клиента на Монтелигере, подобный шляпс всё же был немного не по масти.

Девушка покрутила шляпу в руках, примерила себе, нацепила на голову улыбающейся подруге, оценила, как та сидит со стороны, и, заметно вздохнув, вернула на место:

– Мужчинам очень идёт.

– Женщинам тоже. При брючном костюме в особенности, – согласился я. Рейна ан Скайген спрятала лукавую усмешку за бокалом с вином.

– Вы угадали мои мысли, – кивнула графиня. – Не будете против, если я завтра пришлю к вам на обмер своего шляпника?

– Я-то, безусловно, не против, – пожал плечами, – но мы завтра уходим в поход. Наши деньги сами себя не зарабатывают.

– Успеет, – равнодушно махнула рукой девушка, – а если не успеет, догонит и привала подождет.

– Договорились.

– Прекрасно! Разве что только не спросила... Она из какой кожи сшита? – Девушка снова взяла мою шляпу, на секунду задумалась и, как будто бы так и надо, пощупала

пальцами еще и рукав куртки. Ан Галлоб смерил нас мрачным взглядом и ничего не сказал. Старик, пока мы тут чесались за портняжное мастерство, завязавший тихий разговор с ан Феллемом, покосился на нее и недовольно нахмурился. Непосредственность графини действительно была прямо-таки волшебной, она еще за оружие бы схватилась. – Никогда ничего подобного не видела.

– Акула-мако, чернорылая такая.

Все замерли. Я определенно сказал лишнего. Первым тишину за столом решился нарушить старик:

– Кожа «синей убийцы», фер?

– Она самая. – Осторожно кивнул я, так и не поняв причин этой немой сцены. Что в большом мире акулюю кожу не умеют толком обрабатывать, меня бы не удивило, но чтобы люди так ей удивлялись...

– Владычице моря служите? – не выдержала заметно распираемая любопытством рейна ан Скайген.

– Ранн¹²? – совершенно непритворно удивился я, лихорадочно придумывая, что тут можно сказать. – Все мои обязательства связаны с одними «Вепрями». Ранн я не поклоняюсь.

– И как тогда не боитесь носить кожу ее морских псов?

– А... это, – окончательно уяснив, что у собеседников иг-

¹² Ранн – богиня воды и моря, жена главы хейенского пантеона Тира. Представляется в облике прекрасной женщины с волосами цвета водорослей до пят и голубыми глазами, реже в виде русалки. Канонично изображать также в доспехах из чешуи, с копьём и узким мечом.

рают суеверия, меня отпустило. – Считайте, что не боюсь и все. Мясо у них тоже вкусное. Да и полезное, если сумеет правильно приготовить.

От неожиданности последней фразы красotka Фенна даже поперхнулась. Я мысленно потер руки и постарался проследить за лицом, чтобы не допустить коварной ухмылки – произвести на девушку впечатление столь быстро не ожидалось.

В общем, взятый певичкой небольшой перерыв для собравшейся за столом компании пришелся к месту. Правильно понимавшая смысл жизни графиня подозвала официантку, и мы с Лойхом сделали свой заказ. Пока готовилось мясо, прослушали несколько баллад по вечной теме старикашки на троне, его юной жены, верного вассала, умеющего впечатлить неудовлетворенную женщину, и тому подобному. Далее немного так накатили для аппетита, откушали превосходно приготовленное мясо с овощным гарниром и ярко, но ни о чем потрепались. В смысле потрепались я, ан Галлоб и девушки. Старик, особо не обращая на нас внимания, по-прежнему ездил по ушам капитану.

В итоге мы опустошили еще парочку кувшинчиков с вином, посмеялись, пошутили, и внимание коллектива снова вернулось ко мне. Первую скрипку играла наперсница, что явно провоцировала охотничий азарт – против интрижки с ней мои принципы как раз-таки не протестовали. Чтобы смотреть в глаза, требовались серьезные волевые усилия.

– А как там живут, за океаном?

Тема всплыла довольно опасная, нужно было хорошо подумать, что сказать, чтобы не завратъся. Съезжать с вопроса тоже было не вариантом, ибо далеко не пропитая алкашня рядом собралась.

– Люди везде одинаковые, все примерно так же, как у вас. Различия примерно такие же, как между Бир-Эйдином и пусть таким же имперским городом, где-то на пару тысяч лиг севернее.

– Со степью часто воюете? – Ан Галлоб в процессе совместного распития спиртных напитков ощутимо расслабился. Негатива по поводу нашей словесной стычки я на него не держал, будь на его месте, тоже попытался бы одернуть наглеца, прежде чем тот наболтал лишнего. Последнее парень, по всей видимости, почувствовал и перестал ожидать неприятностей.

– Воюем. – Поморщился я.

– И как?

– Как везде. У тебя сил больше – степняки от тебя бегают, у них больше – ты от них бегаешь. Кто убежать не сумел, того бьют.

От такой откровенности все слушатели закатились смехом, даже старик, продолжавший охмурять Лойха, вполуха следя за нашими разговорами, подарил мне мимолетную ухмылку.

– Про степные орды много небылиц ходит, – якобы, а возможно, и по-настоящему заинтересовалась рейна Фенна,

стреляя в мою сторону хитрым взглядом, — где правда — и не узнать.

— Например? — Мне в ситуации, в которую я попал, следовало болтать поменьше, а вот слушать наоборот больше. Кое-какая информация у меня имелась, явное фуфло аэронских баечников можно было опровергнуть, большего, собственно, и не требовалось. Девушку я уже определённо заинтересовал.

Однако с «например», к большому сожалению, не срослось. На нашем огороде появился новый пассажир — на свободный стул приземлился благоухающий винными ароматами так, будто в вине купался, молодой человек из активно расслаблявшейся за соседним столом компании. Парень был хорошо сложен и без сомнений привык впечатлять дам своей статью и красотой героя грязных японских мультиков. Наглости ему тоже было не занимать, за столом все просто опешили. Молодой же человек, как ни в чем не бывало, озвучил цель визита, шёлковым таким баритоном под стать внешности:

— Прекраснейшие рейны, приношу вам мои глубокие извинения! Проходя мимо и случайно услышав, как один мошенник нагло лжет про Великие степи, не могу отказать себе в удовольствии разоблачить негодяя!

За столом стало тихо как на кладбище. В голове сразу мелькнула мысль — всё-таки нарвался. Слова пьянчуги не оставляли мне никакого выбора кроме конфликта, так что

немедленно следовало определиться с планом дальнейших действий. И в первую очередь оценить степень опасности противника. Вероятность, что горько страдающий по своей потерянной любви «друг» моего сделанного в воротах покойника подошлет бретера, была очень далека от нулевой. Собственно, именно поэтому кольчугу под верхней одеждой я тут и носил.

И при внимательном рассмотрении наглеца эта гипотеза становилась если не основной, то очень даже вероятной – как бы ни несло от него вином, пьян он был нисколько не больше, чем я сам, и вдобавок к этому за развитием конфликта деловито и спокойно так наблюдали сразу трое его друзей. Учитывая, что все четверо, как и положено благородным людям, были вооружены, угрожало это немалыми неприятностями.

Компания, насколько можно было понять, состояла из заезжих молодцов, приехавших покорять большой город в стиле амбициозных дагестанских борцов. Последнее довольно легко определялось не столько по провинциальным прикидам, тут как раз было уверенно не сказать, сколько по примерно одинаковому возрасту и белым, незагорелым лицам, что в Бир-Эйдине наблюдалось по большому счету среди одних падких к веяниям моды дам. Было как-то не по себе от глупости ситуации: меня попытался уличить во лжи какой-то приезжий колхозный мажор с товарищами, которые, как это ни печально, вполне могли действительно куда больше, чем я, знать настоящие реалии Диких земель. Если бы я, конеч-

но, соби́рался с ними в этих знаниях соревноваться:

– Пошел вон, было...

Последовавший за оскорблением вздох был непритворным. Несмотря на то, что вечер начался немного кисло, его продолжение мне очень понравилось. Девушки оказались довольно развитыми относительно жизненного кругозора, умненькими и даже остроумными собеседницами, ан Галлоб на удивление приятным, не лезущим в душу и не ищущим конфликтов собутыльником, а мрачный старик, периодически вставлявший в общий разговор слово и между делом откровенно секущий все, о чем мы говорим, никому веселиться не мешал. И вот этот приятный вечер рисковал окончиться смертоубийством, если не прямо сейчас, то завтра обязательно, что было для меня совсем лишним. Бессмертным же я себя совершенно не считал – мне нужно было просто выжить и найти способ вернуться на Землю. Выбранная для заработка на жизнь профессия и так была достаточно опасной.

– Ты хоть, как степь пахнет, знаешь? – Незванный гость нашего стола на оскорбление никакого внимания не обратил, даже сам вопрос задав не просто спокойным тоном, а с какойто грустью. Ностальгия, наверное, одолела. После того, как спровоцировал поединок.

– Которая степь? Та, что цветет... или та, что горит? – так же безразлично ответил я, ибо выбора между конфликтом и его отсутствием у меня уже не было.

Лицо собеседника дрогнуло от удивления, но мне было

не до сантиментов, ибо на эту реакцию я и рассчитывал, банально пригвоздив его правую кисть к лакированному столу оказавшейся под рукой двузубой вилкой. Правая рука у него была ведущей – проблема дуэли с этим типом на сегодняшнюю ночь становилась неактуальной. От друзей по предварительной по оценке ситуации были хорошие шансы отбраться, чай не в подворотне из горла пиво пьем. А в дальнейшем он мог и просить сатисфакции, и даже подавать в суд – наемники в походе на всю эту лирику плевать хотели.

Однако радость овеществления последней мысли еще даже не успела толком оформиться, когда все резко пошло наперекосяк. Я был готов буквально ко всему, но только не к полному боли воплю собеседника, показавшего всем сидящим за столом клыки вампира...

Безусловно, за время «вахтования» в Хейене я попадал в ситуации и опаснее, однако кровососу в этот раз удалось напугать меня так, что продрало до самой печени. Что, впрочем, ему совсем не помогло. В инстинктах двуногой прямоходящей обезьяны, известной под именем человека разумного, примерно так со времен господства на Земле ящеров «защиты» ровно две типовые реакции на угрозу – превращение в пластилин и ответная агрессия. И кровосос своей оскаленной пастью, при всей неожиданности своего вскрытия спровоцировал у меня именно второй вариант, получив ту же вилку в череп над ухом сразу же, как попытался вскопить. Далее наступало время оружия.

Однако вытащить висевший на спинке стула меч из ножен я просто не успел – ближайший из сидевших за соседним столом вампиров оказался на диво сообразительным и возник рядом еще до того, как тело первого сползло со стола на пол.

Рядом блеснул клинок, сталь лязгнула о сбившую удар в сторону «корзинку» скьявоны. Одновременный шаг вперёд, клыки вампа оказались в считанных сантиметрах перед моим носом – с появившимся уже испуганным недоумением в глазах нелюди и чуточку запоздавшим кровавым кашлем из этой оскаленной пасти мне прямо в лицо. Незаметно для всех извлеченная из нацепленных за пояс ножен дага, всаженная под диафрагму кровососа левой рукой, решила исход нашего с ним поединка одним ударом. В отличие от меня, кольчуги под курткой он не носил.

Судорожная попытка вытащить засевший в рёбрах противника кинжал не удалась, я только бессмысленно потерял время и снова не успевал вытащить меч из ножен – двое других вампиров не собирались смотреть со стороны, как режут друзей. Справа в свете свечей блеснул меч ан Феллема – растерявшийся капитан тоже не собирался прятаться за столом, когда убивают уже меня.

Я отшвырнул оседающее тело кровососа в направлении одного из желающих за него отмстить приятелей, отшагнул в сторону, неудачно попытался сбросить ножны с клинка, и тут возникший рядом вампир чуть не развалил мне пополам

лицо своим ударом. Я еле-еле успел поставить блок. Тряхнула вспышка адреналина от смерти рядом, отбил еще один удар; осознание, что за вампом, увы, не успеваю, пришло на уровне инстинктов. Ещё один отразил уже каким-то чудом.

Кисть вампира по перепугу я поймал на чистом автомате, также на рефлексх переведя залом руки с мечом в закручивание вампира вокруг себя. Не будь все так серьезно, переходящий прямо на лету в точно такой же, как у меня, испуг злобный оскал летящего головой в стену кровососа меня бы, наверное, насмешил. Сбитый его телом кронштейн с зацепленной на него веревкой системы освещения привел к обрушению люстры которая едва не задела вампира, яростно рубящегося с прикрывшим меня ан Феллемом и закидала всё вокруг разбросанными свечами.

Перехваченный меч кровососа сам по себе оказался в моей руке; за спиной наконец-то опомнившийся Хёгг ан Галлоб с обнаженным клинком отбросил с дороги стул. Брошенный на пол вампир попытался откатиться, разрывая дистанцию, и его собственный меч с легкостью перерубил ему шейные позвонки...

К последнему из неудачливых кровососов осознание, что что-то пошло не так, пришло своевременно. Вот только не сильно-то это ему и помогло, связанный поединком с капитаном, сбежать он попросту не успел – я уже стоял на пути. А дальше мы без затей в три меча его замесили. И только после этого взбешенная резней в VIP-зале публика обнару-

жила клыки в пастях покойников. Паника овладела гостями и служащими ресторана в считанные секунды.

Заключительным аккордом ну очень удачно прошедшего вечера стал разваленный ударом трофейного меча затылок помиравшего с дагой под плавающим ребром вампа и резолюция безглаголю осматривающего первый труп старикашки:

– Я многое, конечно, в жизни повидал, но чтобы кровососа вилкой за столом закололи...

Интерлюдия

Мохан ан Феллем, мысленно улыбаясь, смотрел на своего сына. Умывшийся и переодетый в домашнее, возбужденный внезапной ночной резней, мальчик ложиться спать не хотел.

– Впечатлил, говоришь, тебя лейтенант?

Лойх ан Феллем кивнул.

– И меня, безусловно, тоже. – Отец семейства хмыкнул. – Четверо кровососов это совсем не придурак Реннедерн с его плетью.

– Он только троих прикончил, – ревниво поправил отца юный ан Феллем, лично отрубивший голову четвертому.

– И что с того? – Повторил смешок отец. – Многих знаешь, кому такое удалось?

– Так, как на моих глазах произошло, никого не знаю, – согласился сын. – Но убил он троих вампиров, а не четверых.

Отец, которого не так уж и давно подняли из дома на

«смертоубийство в «Золотой дрофе», вампиры напали, в ресторации куча трупов и ваш сын, фер Мохан, там тоже оказался» махнул рукой и сменил тему:

– Сам он как тебе?

– Как бы сказать, – задумавшись, бессознательно почесал затылок сын, – чужой он какой-то. Совсем не из нашего косяка рыбка. Но Койеру с Эйдером нравится, говорят «понимаем, что это не так, но ведет себя, как будто с нами в первой шеренге начинал». Боу с Атти помалкивают, присматриваются. Один только Тельф сразу сильно невзлюбил.

– Не прост, – согласно кивнул отец, – для первой шеренги он верно великоват. И про жалкого старшину скутатов на купеческом корабле нагло врет.

– Он много где врет, – махнул рукой юный ан Феллем. – Смотри, что у моего второго лейтенанта есть.

Парень взял с туалетного столика свой кошель и подал отцу срезанную печать, поблескивающую в свете свечей золотыми и серебряными искрами.

Тот покрутил издали узнаваемую печать от бутылочки с омолаживающим зельем в руках и бросил ее на стол.

– Печать Миртина из Эвры. Но не надейся, ты меня подобным не удивишь. Меня даже совсем бы не удивило, если он эти зелья купил, а не на море взял.

– Даже так? – заинтересовался сын.

– Мальчик мой, – снисходительно взглянул на него отец, – ты обращал внимание на его речь? Не на акцент, а на слова?

– И что он у нас тогда делает?

Пояснять, что отец имел в виду, сыну не потребовалось.

– Понятия не имею. Может быть, что и действительно в крушении сумел выжить. Но я так думаю, врёт. Просто пираты на берег ночной порой высадили. Будь он пассажиром на купце, даже контрабандисте, в порту бы сошел.

– С описаниями морских разбойников не сличали?

– Сличали. И по людям Серебряных островов, и по кайн-рийцам, и по всем остальным, когда еще в Клоаке сидел. Пустота, в описаниях похожие лица есть, но это точно не он. Что Великий океан пересек, наверняка можно верить. У наших берегов таких не пропустишь.

– Пираты одинокого пассажира через океан перевезли? – не поверил отцу младший ан Феллем.

– А почему нет, если заплатил?

– Пап, у него сундук с вещами железом обшит и наверняка колдовской работы – никаких запоров не видно, и ключом он не пользуется. Да и за один гарнитур¹³, я даже не знаю как пираты, а в Клоаке его не задушили.

– Мальчик мой! Твоего отца некоторые могут назвать сво-лочью и мерзавцем, но дураком, я надеюсь, не считает никто. Кроме тебя сейчас. Так что ты тоже так не считай.

Понявший, что ляпнул, что-то сильно не то, сын немного смутился.

¹³ Термин «гарнитур» в данном случае употребляется в его настоящем значении – комплект каких-либо предметов, выполненных в едином стиле.

– Для чего мне нужны эти мечи и доспехи? За закрытыми дверями одному на них любоваться? Многих знаешь, кто не взятым в честном бою родовым оружием похвастается, если этот род не вымер?

– А что ты тогда сказал их прибрать, если его в бою при-
бьют?

– А какие тогда к нам могут быть претензии, если он пал в бою? Пусть проверяют, убедятся – если хорошо заплатят, можно будет даже вернуть. Межродовая вражда по такой глупости нам не нужна. Так и до убийц в доме может дойти, а мы даже не поймём, от кого они.

– Состорожничай, значит, пап... – хихикнул сын. – Не ожидал от тебя.

– И зря. По одной жадности связываться с человеком, которого пираты через океан не ограбив перевезли, редким дураком надо быть.

– А что тогда наместнику его не сдал? Пусть бы с ним мстители и разбирались. Если вообще бы объявились.

– А ты сам подумай... – пожал плечами отец.

– Только из-за меня, что ли?

– Не только. Но и хорошего лейтенанта в роту сына тоже просто так не найдешь, а что чужой здесь, так это даже к лучшему.

– То-то же мне мама шкатулку с ядами в тот день подарила, – ехидно задумался вслух над совпадением появления в роте заокеанского второго лейтенанта и таким странным по-

дарком юный капитан.

– Отравитель ты бестолковый, но чтобы яда в вино плеснуть, много ума и не потребуется. Когда поймешь, что в роте хозяином становится он, а не ты – можешь на убой отправить, можешь отравить, можешь Тельфа своего подослать, можешь даже выгнать попытаться, если убить испугаешься или не захочешь. Но в роте его быть не должно. Если такой человек решит стать капитаном, не испугавшись моей мести, выжить из вас сможет только один.

– А он точно так решит? – Как-то неуверенно высказался вслух озабоченный серьёзностью обсуждаемого вопроса капитан.

– Тоже успел понравиться? – На этот раз на лице Мохана ан Феллема не было ни тени улыбки. – Не знаю. Будь он близкого тебе возраста, было бы легче. Вы, может быть, даже подружились бы. А так... мы даже не знаем, сколько ему лет. Что между вами общего? Если он человек чести, и ты не будешь сильно глупить, тебе, конечно, ничего и не угрожает. Сам локти начнёшь кусать, коли решит уйти. Но где сейчас того можно найти, кто от идущей в руки роты откажется? В песнях? Родные братья за пригоршню золотых друг друга режут.

– Я понял, пап. – Поморщился сын.

– Хоран, конечно, за ним присматривает, да и не он один. Пока эти люди верны, опасаться тебе нечего. – Отец откинулся на спинку плетеного кресла. – Но война это война. Кто

знает, может быть, что их завтра прикончат и твоя жизнь будет зависеть от людей, которых ты сам подберешь взамен. Которые и сами предать могут.

Сын кисло сморщил физиономию, отец, не обращая на это внимания, продолжил читать нотацию:

– Своему дружку ан Скаллису я на твоём месте верил бы ещё меньше, чем ему. Что эта семейка хорошо умеет, так это лбами сталкивать. А потом подсылать убийц и расчищать дорогу ядами среди уцелевших.

– Ты меня хочешь запутать, пап? – Нахмурился сын.

– Ты считаешь? – Саркастически усмехнулся папаша. – Но хоть за «друга» своего не вступился, не совсем, значит, безнадёжен.

– Отец! – рассердился сын. – Теперь ты меня дураком не считай! Думаешь, что про ан Скаллисов только ты один много чего знаешь? Про отравителей их, убийц с бретерами и шашни с кровососами из катакомб?

Отец вспышку сына воспринял с неожиданным для того одобрением:

– Не зря в «Гильдии» жизнью рисковал! – И тут же его голос лязгнул металлом. – Но про катакомбы даже тут без нужды не трепи. В этом городе с Ночным народом уже сотни лет все сильно сложно, и каждому слуге в душу не заглянуть.

– Я тоже не жалею, – начал успокаиваться сын. – А с Гармом разберусь и без ваших подсказок. Тебе ли не знать, сколько говна среди охотников плавает? Он у меня три дня

в роте, а ты его уже отравить предлагаешь.

– За эти три дня в роте он сколько народа сумел к себе расположить? – обосновал причины нотации отец. – Даже тебя в их числе. Я не предлагаю ни его, ни кого-то еще отравить, мой мальчик. Не будет посягать на твое положение – пусть живет, и даже в нашем доме будет желанным гостем. Но по-отцовски предостерегаю, чтобы набрать лишней власти в роте её капитан никому не позволял. Упустишь, останется только убивать. Иначе тебя самого убьют, и третьему не бывать. Ты чем меня только что слушал?

– Ушами, отец, – из упрямства оставил последнее слово за собой сын. Мохан ан Феллем, махнув рукой, спрятал улыбку.

– Папа, а эти четыре наглых кровососа кто такие? – воспользовавшись заминкой, Лойх ан Феллем поспешил сменить тему разговора на куда более его интересовавшую. – У них что, мозги в катакомбах сгнили? Что они в «Дрофе» потеряли?

– Кто знает? – Подал плечами отец. – Может быть, тебя хотели убить. Может быть, барона. А может быть, и твоего лейтенанта. Их даже не опознали еще, рано меня спрашивать.

– Ден Гарм-то к ним как? – Задумался младший ан Феллем.

– Лично он – безусловно, никак. Но как он в твою роту попал, помнишь?

– Считаешь, наместник заказал? – в голосе юного капита-

на сквозило непритворное изумление. – Императорский наместник с вампирами спутался?

– Ничего пока не считаю. Эта пьяная драка могла быть и случайной.

– Вампиры в Мраморном зале «Золотой дрофы» оказались случайно? Ты надо мной издеваешься?

– Лойх! Мой мальчик... Ты можешь мне не поверить – но Ночной народ Бир-Эйдина туда заходит не так уж и редко.

– И ты про это знаешь??

– В этом городе я очень мало про что не знаю. Договоренности с главами семей Ночного народа города были заключены задолго до нас. После этого войны за катакомбы и прекратились, да и на ночных улицах стало куда безопаснее. Большинство вампиров этих семей сейчас даже не там, а наверху, во Внешнем Городе живут. Только во Внутренний им ходу нет.

– Что?! – Вот этого сын не знал. – А как ты...

– «Охотники» городу нужны, чтобы вся наша нелюдь знала слово «страх». Да и стража, как ты знаешь, нередко их головы приносит. Для кровососа человек бурдюк с кровью, живущий только для того, чтобы вампир с него питался. В их восприятии есть только одно исключение – человек, убивший вампира или который может его убить. Ты их убивал. Я их убивал. Нас они тоже могут убить, но мы с тобой, как и твой старший брат, для них уже не пища. – Тут Охотник

Мохан точно таким же жестом, как сын, почесал затылок и немного поправился: – Точнее не только пища.

Изумлённый столь неожиданными новостями, молодой ан Феллем чуть было не сплюнул на пол в ответ.

– До этого я думал, что братец меня с охотниками случайно свел! На самом деле с твоего, наверное, разрешения?

– Ты меня недооцениваешь, мой мальчик. По моему настоятельному совету.

– Б...!!!

Старший ан Феллем, не скрываясь, разродился улыбкой. Младший задумался, обидеться ему на отца или нет, но потом тоже улыбнулся.

– Ах вы, интриганы!

– О сейчас сказанном никому не болтай. Ни друзьям, ни даже жене, когда появится. Никому.

– Хорошо, – кивнул отцу впечатленный введением в тайную жизнь города сын. – Но ты так и не сказал, коли мы с ними продолжаем друг друга убивать, почему ты говоришь, что войны нет?

– Рассказы что бир-эйдинские вампиры, если не злить, живыми отпускают, в городе часто слышал?

– И даже знаю, кто такие слухи распускает, – оскалился молодой ан Феллем, имевший пару неприятных контактов с так называемыми «слугами».

– Это не слухи, это правда. Хотя нет, – тут же поправился старший ан Феллем, – часть правды. Договор у нас толь-

ко с двумя городскими семьями, и одно из его условий – пить кровь, раз надо, Ночной народ пусть пьет, но трупов при этом должно избегать. С пришедшими извне кровосо-сами и уж тем более посягающими на их положение ничего подобного у нас нет и быть не может.

– Я высосанных вампирами и истекших после них кровью мертвецов и внутри стен видел.

– Такое тоже бывает. Коли залетный кровопийца внутрь стен проникнет, свой разумом повредиться – а у них такое случается, или опять найдутся ополоумевшие идиоты, решившие, что договорённостями с пищей можно подтереться. Чтобы такие в городе не размножались, «воины Тира» со стражей и нужны.

– Вот значит как...

Отец, с удовольствием продолжающий разбивать сыну шаблоны, в очередной раз хмыкнул.

– Договор договором, но нобилитет слишком много силы и власти кровососам в этом городе набрать не дает. Я только что, почти что о том же самом о твоей роте говорил.

– Б...!!!

– Да, да. Нарушителей договора они и сами давят, но нам, как это ни странно, подобную сволочь искать легче. Людей в городе гораздо больше, чем их. А вот чужих вампиров, которые извне к нам лезут, в катакомбах первыми именно наши вампы давят.

– Что?!

– Имей в виду, болтать не стоит и потому, что сами они договором тоже не хвастаются. И я тебя ещё не просвещал, кто, случается, «охотникам» подсказывает, – любящий папа в который раз за вечер ухмыльнулся, отслеживая реакцию сына, – где в катакомбах или трущобах посадка можно найти лёжку...

– Не шутишь?

Мохан спрятал ухмылку и добил шаблоны ребёнка:

– Поэтому считай, что все наши «договорные» вампиры наверху и живут. Чтобы внизу с вами случайно не пересечься.

– Б...!!! – Облегчив душу, младший ан Феллем задумался. – Слушай, пап... Выходит, те трое, что мы три месяца назад в доме их слуг забили, из «договорных» были?

– Это был Бел из Молда с двумя своими «младшими»¹⁴. Линия Нерина¹⁵. Воевал за наш город, прежде чем вы его

¹⁴ «Младший» – иногда именуется «дитя», рабски психически зависимый от «хозяина» младший член прайда вампиров из обращенных в вампиров людей. Полученные традиционным путём дети из «рожденных вампиров» такой врожденной зависимости от родителей не имеют. Обращенные избавляются от полученной при обращении зависимости либо после смерти обратившего их «хозяина», либо по достижению достаточно большого возраста и соответственно развития собственных способностей.

¹⁵ Считается, что вампиры Хейена повели свой род от двадцати шести прародителей, маги и священничество мира относят тех к демонам, в битвах с которыми пали так называемые Древние Боги. Вампиры разных линий, как правило, ненавидят друг друга, единственная территория большого мира, где это соперничество вампиров признавших императора Ночи кланов под гнетом пропаганды и репрессий несколько приугасла – Ночная Империя. В настоящий момент

достали, успел убить пятерых кровососов и обратить самое меньшее семерых «птенцов» из горожан. Их и парочку других «младших» наши вампиры нашли и порешили позднее. Вы обнаружили их хозяина случайно и очень вовремя, что он так быстро нашел «слуг» и прячется среди людей, а не внизу, никто не ожидал. Бир-эйдинских вампиров так легко артефактами не найдёшь.

Лойха ан Феллема передернуло. После той стычки он к решению сменить сферу деятельности и вернулся. Из восьми охотников, ворвавшихся в дом небогатого купца, выжило четверо, и только двое из них – он и Тельф Лич – остались на ногах при этом. Все трое спавших в доме кровососов оказались достаточно сильны и стары, чтобы суметь проснуться сразу же после поднятой хозяином дома тревоги.

– Что покойник Тариан на ваших ручных кровопийц не шпионил, безусловно, утешает... – Кивнул своим мыслям молодой капитан.

– И неизвестные защитники у города выходит так, – тут в словах парня блеснула злость, – есть...

– Внешнего Города с портом, мой мальчик. С которых кормятся. Уже за посад они постоянно с другими семьями воюют, а за попытку проникнуть во Внутренний Город Бир-Эйдина нарушитель договора повинен смерти.

Старший ан Феллем, снова чуть улыбаясь, наблюдал за

господствует мнение, что сохранилось четырнадцать линий вампиров из двадцати шести существовавших когда-то.

озабоченным сыном. По уму осветить сложности городской жизни перед ребенком стоило уже давно. Но он был не уверен, что тот удержит перед близкими друзьями язык на привязи. Среди «воинов Тира» они у него были. Далее подтверждение чужих подозрений очень быстро рисковало достичь храма Тира, а потом и столицы. Реакция Капитула была прогнозируемой – священничество договоренностей с кровососами не прощало. Реакция императора в целом тоже предсказывалась на ура.

В итоге Мохан с потомками погрома городского нобилитета точно бы не увидели. С дыбы в пыточной камере в глубоком подвале обзор не лучший, а с плахи очень недолгий. Однако теперь, когда дитя оказалось в центре несущего грандиозные разборки замеса, ранние соображения превращались в ничто. Мальчика как можно быстрее требовалось подготовить к догонявшим всех вокруг неприятностям, которые ожидались грандиозными. Половина беды, если эта четверка была местной и действительно выполняла заказ императорского наместника. Самое большее, чем это могло грозить, то только попыткой нарушения вампирами того самого договора, о котором он сыну рассказывал. Меры противодействия таким попыткам были всем известны, и противостоять им вампам было нечем. А вот если эти кровососы из «Дрофы» были чужими, все могло обстоять гораздо, гораздо серьезнее... И что-то ему подсказывало, что это было именно так.

Сын своего отца тем временем как будто почувствовал, о

чем старший ан Феллем думает.

– Папа, а почему ты мне это сейчас рассказал? Именно сейчас, а не раньше?

– Все-таки умница ты у меня, сын, – искренне польстил парню отец в ответ на столь правильный вопрос. – Потому что нас ожидают неприятности.

– Кого это нас?

– Не тебя, не волнуйся. Да и не меня тоже. Нашей семье эта резня в «Дрофе» только на пользу пойдет. Если на каком-то говне не поскользнемся. А вот самому городу этот скандал может дорого обойтись. О вампирах Бир-Эйдина, нападающих на посетителей в элитных ресторациях, вскоре не то что столица заговорит, самому императору непременно доложат.

– И что будет? Легионы введут?

– Угу. Введут в город один-два легиона и будут его чистить от всей накопившейся нелюди и людских грехов, не разбираясь. Это самое меньшее, что нас ждёт.

– О прикормленных вампирах переживаешь? – немного удивился юный ан Феллем. – Пусть бы они и боялись. Им, знаешь, полезно.

– Ты не понял. Легионы в одиночестве не появляются. От чинов императорской Тайной службы тут тоже будет не протолкнуться. Да и не их одних.

– И мало ли что они здесь накопают... – закончил фразу молодой, но уже хорошо понимающий жизнь сын.

– Немало это скромно сказать. Накопают они, я уверен, много. – Кивнул сыну отец. – Поэтому к их визиту надо подготовиться. Но сначала нам надо будет определиться – эта четверка кровососов она вообще чья?

– Кому выгодно... Наместник, вампиры, скандал... – мгновенно определил, к чему ведет ход разговора, Лойх ан Феллем. – Этот любитель мальчиков вообще способен на такую интригу?

– Раньше он такого впечатления не производил, – кивнул отец. – Но в том и суть, что наш наместник в подобной интриге сам может оказаться чужим инструментом.

– Б...!!!

– Вот и я так же сказал. Поэтому... Рота твоя пусть завтра уходит, Хоран и без вас с ден Гармом ей покомандует. До настоящей войны у графа еще далеко.

Сын недовольно поморщился; отец, не обращая на это внимания, продолжил:

– У вас двоих завтра будет тяжелый день, а для тебя еще и вечер. Познакомлю тебя кое с кем, хозяина этих кровососов требуется найти как можно быстрее, пока вести только бегут до столицы.

– Б...!!!

– Да. Ты всё правильно понял, – кивнул догадке потомка очень серьезный старший ан Феллем. – Сами по себе их лица мало чего нам дают. А вот то, о чем они говорили за столом, может очень помочь.

– Я на них даже внимания не обращал, – мгновенно уточнил непритворно встревоженный перспективами завтрашнего вечера сын.

– Не сомневаюсь. Но стол стоял в нескольких шагах от вас, а значит, хоть краем уха, но что-то ты не мог не услышать. Тот с кем я тебя сведу, поможет это припомнить.

– Только мне? – вслух обдумал ситуацию младший ан Феллем.

– Если фер ден Гарм тебе в роте больше не нужен, можем и его на беседу пригласить. – Равнодушно пожал плечами отец.

Глава II

После столь мило прошедшего вечера ночевать меня пригласили в особняк ан Феллемов во Внутреннем Городе. Ломаться ситуация не располагала; озвучил предложение переночевать в своем доме прибывший на чрезвычайное происшествие лично начальник бир-эйдинского УВД.

Понаблюдать за старшим ан Феллемом, так сказать, в его естественной среде обитания было весьма интересно. Особенно когда он сразу же после манерных раскланиваний с бароном ан Кроахом и целований пальчиков девушкам перешел к раздаче тяжелых оплеух управляющему ресторанного комплекса, который сумел нас до появления городской стражи откровенно выбесить. Дамы, конечно, не поленились пожаловаться. Разумеется, умолчав при этом, что этого наглеца с его вышибалами за эту наглость мы с его сыном и так совсем недавно одним только чудом не порубили. Спасло मुदा, что он непритворно перепугался и сдал назад, рассыпавшись в унижительных извинениях, когда один из сотрудников заведения всё-таки узнал забрызганного кровью и безвозвратно испортившего свой лучший костюм маленького ан Феллема.

По итогам неприятного вечера несчастный халдей оказался в двойственном положении. С одной стороны, ему раздавили гордость, прилюдно надавав пощечин и оплеух (и на

этом, вероятно, ничто ещё не кончилось), в то время как с другой – он банально остался жив, когда, не разобравшись в обстановке, начал буром переть на чудом выживших при нападении пропущенных охраной вампиров посетителей ресторана.

Процесс работы следственно – оперативной группы, если ее тут так можно назвать, от нас принципиально не отличался. Вежливый и неожиданно профессиональный первичный опрос свидетелей, осмотр и упаковка трупов в рогожу, составление перечня изъятого и все такое. Прямо умилился параллелям. Отличия пошли не раньше, чем мордастый стражник из городской уголовки попытался наложить лапу на прибранные несостоявшимися жертвами кровососов вещественные доказательства. Ментура во всех мирах прямо-таки не могла пройти мимо оружия и богато шитых золотом кошель. Упивающийся моментом и безнаказанностью фер Вран ден Гарм подобного ему, естественно, позволить не мог.

– Досточтимый фенн, – чтобы беспричинно грубить человеку при исполнении, я все же не опустил, – вы разве не слышали, «что с бою взято, то свято»?

– Это вещественные доказательства, достойный фер, – пожилой уже стражник, впечатленный результатами резни и реально удивленный моей вежливостью, выполнял свой долг, скажем так, без особого огонька. – Интересы расследования...

– Которые потом хрен найдешь и вернешь, – согласился я. – Исчезнут неизвестно куда, а вы мне будете улыбаться.

– Расписка стражи...

– Оставьте ее себе! – Я издевательски помахал ручкой в стиле Леонида Ильича на ленинском мавзолее. – Вы меня за ребенка держите? Покажу, что с них снял, этого вам будет за глаза. Вампиры в Бир-Эйдине, надеюсь, не полноправные граждане, чтобы город за них вступался, нет?

– Нет, – метнул на меня мрачный взгляд средневековый мент.

Барон ан Кроах, с интересом слушавший наш разговор, подарил свою героиную ухмылку и изобразил пальчиками беззвучные аплодисменты. Морально поддержал, так сказать.

В кошельки покойников я еще не заглядывал, так что содержимое было небезынтересно и самому. Впрочем, ничего сильно интересного мы там не обнаружили. В каждом из трех трофейных кошельков (на трофеи с четвертого вампира я принципиально не претендовал) лежало по пять – десять золотых в одинарных и двойных ауреях и этак по два десятка разнотипных серебряных и бронзовых монет. Единственное, что оказалось возможным отметить, так это чеканку монет. Заинтересовавшийся барон, которому стража помешать присоединиться к осмотру не рискнула, определил дату их выхода из-под станка самое меньшее пятидесятилетней давностью, что опрашивающий меня сыскарь к слову сразу же

отметил в протоколе.

Следующую фразу я поймал, прежде чем она была произнесена:

– Монеты отложу, пока тратить не буду, если увижу на них что-то интересное, отметки или что другое, непременно вам сообщу. Если стража будет настаивать на изъятии вещественных доказательств – гоните мне монеты того же номинала и забирайте эти себе.

Стражник на такой сеанс чтения мыслей доброжелательно улыбнулся.

– Ваша милость, случаем вы раньше нашими сыскными делами не занимались?

Лгать было в общем незачем.

– Был в жизни и такой период.

Барон ан Кроах чуточку усмехнулся и кивнул своим мыслям.

Возможно, что следовало и соврать. Впрочем, плевать.

Сыскной после этого нас сильно задерживать не стал, задержавшись только осмотреть оружие покойников, зарисовать клейма оружейников и задать интересный вопрос:

– Для вомперов серебро яд... Не думаете на кого-то, кто им с ними так за вашу жизнь расплатиться мог?

– Монетами они даже без перчаток могут пользоваться, – разъяснил я служивому некоторые результаты изучения вампиров земной агентурой. – Если вампир слишком долго в руках серебро не держит, у него даже волдыри не вылезут.

А тут надо-то, монетку из кошелька выудить. Это в ранах все по-другому, там общее отравление идет.

– Вот как? – непритворно удивился средневековый детектив. – Точно?

– На захваченных вампах проверялось. Даже если монеты или руки будут влажными, – я машинально пошевелил собранными в щепоть пальцами для дополнительной аргументации, – контакт кожи с серебром продлится слишком мало времени, чтобы со стороны можно было что-то заметить. Да и он сам мало чего почувствует.

– Буду знать, ваша милость! – Стражника полученная информация со стороны, было видно, пригрузила. Надо полагать, запавшие в память непонятки начал вспоминать.

– Пользуйтесь, фенн. Может, и пригодится когда.

– Может быть, – кивнул стражник. – Спасибо, ваша милость. И за этих кровососов и вообще...

Я безразлично махнул рукой. Моя информация заинтересовала уже не только одного следившего за разговором барона, но и всех остальных моих собутыльников, кроме опрашиваемого немного в стороне капитана. Настырный стражник тем временем опомнился и вернулся к своему вопросу:

– И всё же, кто вас заказать мог, не назовете?

Интересы следствия следовало уважать, тем более после таких авансов.

– Назвать не могу, я в этом городе чужой. Конфликт, который мог дать такие последствия, у меня был только один.

С неким ан Реннедерном и его людьми в городских воротах.

— Так это тоже вы их там порубили? — Расплылся в широкой улыбке сыщик, показав всем отсутствующий правый клык. — Признаться, даже сходил в морг на руку мастера посмотреть. А теперь вот и с вами вживе довелось познакомиться. И без вампиров большая честь для меня, большая честь!

Я только развел руками, мужик радовался как клерк-японец, увидевший впереди себя в очереди Фёдора Емельяненко. Ладно, что хоть за полы одежды не хватался. Фенна ан Скайген, гревшая свои прелестные ушки неподалеку, ехидно мне через его голову ухмыльнулась, после чего обе девушки синхронно прыснули, вернув восторженного сыскаря на землю, до того как он начал требовать со своего героя автограф.

В общем, появление Мохана ан Феллема оказалось довольно-таки, кстати, срыва работы следственной группы удалось избежать. Но представиться или выразить мне свое уважение к тому времени успели как бы ни все присутствовавшие в зале полицаи. У покойного любителя помахать плетью в городских правоохранительных органах без сомнений существовал весьма обширный клуб почитателей. С частоклолом зубов, делающим честь тираннозавру своей величиной.

* * *

Особнячок рода ан Феллемов мне тоже пришелся по ду-

ше. Ночью его, понятно, было не оценить, а вот днем, когда мы с капитаном окончательно расплевались со следствием, чем-то сильно озабоченными местными политиками и прелатами¹⁶ Тира, Дины и Ранн, я его довольно внимательно снаружи и изнутри осмотрел. Здание оказалось во всех смыслах красивым таким трехэтажным домишкой, в стиле виденной на Торнклире древней архитектуры, с трехметровым каменным забором вокруг двора. Пусть и не впечатляющий размерами, но дворик при доме всё-таки присутствовал, что больше любых слов показывало богатство и вес в городе этой семьи. Цену квадратного метра во Внутреннем Городе в индексе гамбургера, как мне показалось, вполне можно было сравнивать с ценами элитных жилых комплексов если не в центре Москвы, то Санкт – Петербурга точно.

В спальню хозяев или там рабочий кабинет главы семейства меня, естественно, не водили, однако в довольно приличной для этого мира библиотеке я побывал, да и обширной коллекцией оружия отца Лойх тоже похвастал. Короче говоря, визит в город вышел довольно-таки познавательным – и самый его приятный момент тоже оказался в доме ан Феллемов.

Как бы сестренка моего капитана ни строила из себя ужасную пожирательницу сердец, при всей своей свежести и красоте, безупречных манерах и, безусловно, хороших мозгах,

¹⁶ Прелат – термин используется в традиционном значении, высшая церковная должность.

эта премиленькая блондиночка всё же оставалась не более чем вошедшей в возраст бурлящих гормонов забавной домашней девочкой. Я откровенно запал на ее маму.

Эннигерд ан Феллем, несмотря на свой возраст, крыла дочку по всем статьям примерно так на порядок. Женщина, как казалось, была безупречна. Посади ее рядом с Фенной ан Скайген или казавшейся младшей сестрой дочерью, будь по любой из них в десять раз больше шансов добиться желаемого, я бы все равно приударил за старушкой. Теоретически. К огромному моему сожалению, в ее безупречность входила и взаимная любовь и уважение с мужем. Эта парочка, как, впрочем, и их домашние, видимо до конца даже не осознавали, как это бросается в глаза посторонним. Очень многое можно было сказать по одному только разговору за столом, с женой, заканчивающей фразу мужа, и сразу же после этого наоборот. Короче говоря, с определенного момента я любовался ей прямо как Джокондой да Винчи, испытывая жесткую зависть к Мохану ан Феллему в параллель. Что этот козел сумел отхватить такую женщину, а я нет, было, понимаешь, обидно.

Не знаю, унюхала она мои бурлящие, как у пацана, гормоны или нет, вероятнее всего, засекла, женщины такие вещи видят сразу, но в результате, развести ей меня на откровенность удалось куда удачнее, чем супругу, и весьма технично притом. Я даже подумывал немного обидеться, что она сиськой даже для этого по мне «случайно» не мазнула, чтобы

разум окончательно потерял. Прекрасно без серьезного воздействия на низменные инстинкты обошлась. До определённого момента хватило легчайшей провокации с ироничным взглядом с загадочной полуулыбкой, уж больно серьёзный с ее стороны был спланирован разговор, а потом провокация всплеска гормонов вообще потеряла актуальность.

Я стоял у окна в коридоре у гостевой комнаты и сквозь открытое окно наблюдал за огибающей город рекой, с топящимся если не добраться до порта, как окончательно стемнеет, то встать на ночь под городскими стенами караваном барж. Внутренний Город располагался на высоком холме, так что воды Аффера с третьего этажа дома ан Феллемов вполне наблюдались. Лойха отец после ужина собирался забрать по своим делам, делать мне было решительно нечего – выезжать мы собирались только завтра.

Фрейя¹⁷ ан Феллем появилась за спиной абсолютно бесшумно, выдав себя одним только запахом духов.

– Искренне благодарен за гостеприимство, госпожа ан Феллем, – даже не повернув головы, сказал я. – Было очень приятно его испытать. Пусть и по неприятному поводу.

– Вас непросто застать врасплох, господин ден Гарм. – Не стала ломаться та, встав рядом со мной и вернув нечаянный

¹⁷ Фрейя – на древнем кайре «дама», именование и обращение к благородной замужней женщине (вдове). Применительно к Аэруну вне зависимости от того, был ли посвящен в рыцари ее муж, соответственно именующийся обращением фер, или нет – в этом случае именуясь шеном («почтенный»). Вне благородных семей замужняя женщина именуется шеной.

выпад с той самой загадочной полуулыбкой.

– Передвигаетесь вы невероятно бесшумно, но выдали себя духами. – С такой же усмешкой принял я вызов.

– С этим я ничего поделать не могу, – мне очаровательно улыбнулись в ответ, – смердеть потом женщине моего возраста не пристало.

От такой техничной провокации осталось мне только уже открыто усмехнуться, смерив стоящую рядом леди соответствующим взглядом и вернувшись к зрелищу за окном. Будь я немного моложе или менее опытен, мысли о шансе наставить рога ан Феллему-старшему и положить в рукав козырный туз заявления своему командиру – «да я твою маму за гаражи водил» – в голове появились бы непременно. Но, к своему сожалению, шансы в этом плане я уже оценил и общение супругов в быту видел. Что-то могло стрелкнуть разве что при открытом браке и тому подобных шалостях общества безудержного потребления, до чего Хейен просто еще не дожил. Да и привычек «куколда», или как у любителей делиться женами это все называется, у Мохана ан Феллема вот никак не просматривалось. В отличие от комплекта обдирочных ножей на видном месте в коллекции, которыми какой-то известный кайнрийский пират снимал кожу со своих жертв. И ножики эти забытыми совсем не выглядели.

Умница женщина все правильно поняла и, фыркнув, перешла к делу с взаимно довольно-таки неожиданным вопросом:

– Фер Вран, что вы думаете о моем сыне?

Отбрехаться ничего не значащей фразой тут, конечно, труда не составляло, однако вопрос был довольно серьезным и личным, заданным вдобавок крайне незаурядной женщиной, чьих усилий в достигнутом семьей положении, я был готов спорить на что угодно, вложено было немногим меньше, чем у её супруга.

– Вы хотели, чтобы я ответил, что я о нем думаю как капитане?

– Да. Именно так.

– Вам честно сказать или как можно более вежливо? В обоих случаях будет чистая правда. – Теперь над стоящей рядом прекрасной женщиной немного издевался я. Тоже секс, в какой – то степени. Главное с ним не перебрать, чтобы на ладонях не стали расти волосы.

Фрейя ан Феллем безмятежно улыбнулась, явно прекрасно поняв и приняв мои посылы.

– Вежливости вокруг моего мальчика всегда было достаточно. До приторности. Для разнообразия скажите честно.

– Прекрасно, – кивнул я. – Тогда для вас неприятное известие. Как бы он ни был хорош, а у парня на выбранной стезе проглядывает прекрасное будущее, роту ему давать было рановато.

– А зачем же тогда вы? – захлопала глазками блондинка, делая вид, что недопоняла мои слова.

– Милостивая фрейя, – вздохнул я, – в отряде наемников

может быть только одна голова, которая по-настоящему принимает решения. Ни я, ни Хоран голову вашего сына заметить не сможем – наше дело думать над исполнением этих решений. Вряд ли он собирал свою роту для того, чтобы ей командовал кто-то другой. Подменить его можно раз, можно два, такое случается, но на третий солдатики непременно задумаются, кто всё-таки в роте по-настоящему управляет... и ничем хорошим это не закончится.

– Думаю, я вас поняла, – кивнула госпожа ан Феллем. – И вы считаете, что ничего нельзя сделать?

– А что я или Хоран можем сделать, пока он сам не набьёт шишек и не наберется опыта? – Пожал плечами я. – Только дать совет, когда никто не видит и есть такая возможность. И то, у па... капитана может не вовремя закусить самолюбие и он сделает наоборот. Потом те, кто останется жив, конечно, ему голову нагреют и из роты уйдут, но это потом. А жизнь она даже у наемного солдата одна-единственная.

– Мой сын не настолько глуп!

– Вполне верю, но в жизни бывает всякое. Например, когда советы будут звучать слишком часто. В целом никаких других проблем у него нет.

Женщина задумалась. Размышления тоже ей очень шли. Я искоса любовался собеседницей, задатки художника, за последние двадцать лет реализуемые больше в карандашных рисунках стиля ню и калках портиков¹⁸ для сослуживцев,

¹⁸ Портak – татуировка.

вылезли из глубин очерстевшей души и прямо-таки требовали испытать себя в настоящем искусстве.

– Сколько вам лет, фер?

Такого быстрого перевода темы я не ожидал. Да и отвечать на вопрос честно было, скажем так, опрометчиво; омоложение в Хейене было услугой, доступной далеко не каждому. Тем не менее нагло врать искренне нравящейся мне женщине тоже не хотелось.

– Мужчине, как и женщине, столько лет, насколько он выглядит.

– Вот как? – Мне открыто и по-доброму улыбнулись. – Не слышала таких слов...

Дама, всё еще задумчиво улыбаясь, покачала головой.

– Надо будет запомнить...

Я тоже улыбнулся и немного деланно развёл руками.

– Угощайтесь. Но про мужчину добавил сам, в оригинале упоминается одна только женщина.

– Спасибо! – Мне нежно коснулись лежащей на подоконнике левой кисти. – За все. И честность в том числе.

Женщина стала серьёзной.

– Я не одобряю выбор сына, но не могу с этим ничего поделать. Я знаю, что вы чужой в Аэроне, и, как попали в роту Лойха, мне тоже известно. Но теперь и вам следует знать, что в Бир-Эйдине у вас появились настоящие друзья. Которые не забудут ни вашей храбрости, ни вашего добра представителям нашего рода, ни вашей сегодняшней честности. –

Фрейя ан Феллем еще раз на секунду накрыла мою кисть своей и, кивком попрощавшись, изволила удалиться, оставив в определенном недоумении. Создавалось впечатление, что она типично по-женски из сказанного поняла куда больше, чем подразумевал я сам. Поднапустил тумана в последней фразе, понимаешь...

* * *

На следующий день сразу с утра мы, естественно, никуда не уехали. Сначала нам с капитаном опять парила мозги местная власть, потом в последний раз опрашивала стража, и в конце концов мы угодили в цепкие лапы настоятеля расположенного неподалеку от ратуши храма Тира, который, как оказалось, тоже с нами вчера недостаточно пообщался.

Впрочем, неудовольствия встреча с последним, в отличие от остальных, не вызывала. Человек, отдающий тебе деньги, очень редко вызывает какой-либо негатив. А баблишка он мне выдал немало, тридцать золотых за три вампиры головы были хорошей суммой даже по меркам привыкшего ни в чем себе не отказывать молодого ан Феллема. Вкупе с трофеями с самих кровососов ужин выходил очень удачным – по факту, я в этой стычке без каких-либо расходов получил прибыль, которую лейтенант наемников не всякий раз возьмет даже с целой компании. Причем не только с денежного содержания, но даже с трофеями. Пусть даже один золотой

настоятель тут же изъял на административный сбор членства в гильдии охотников на вампиров.

Штаб-квартира «воинов Тира», сочетавшая в себе контору, таверну-столовую и постоялый двор для своих, располагалась тут же, на задворках храма, так что там мы тоже побывали. Это стоило сделать даже не столько ради любопытства, сколько чтобы получить полагающийся членам гильдии при регистрации серебряный жетон с мастерски начеканенным клыкастым черепом, рассекаемым молнией, с одной стороны и гербом Бир-Эйдина, дополненным установочными данными владельца, – с другой.

При этом я в который уже раз умилился – выдача была обставлена прямо в земном ключе, с толстой амбарной книгой и жетоном, извлеченными из запираемого железного ящика, с поздравлениями с вступлением в ну очень уважаемую людьми и властью организацию и, ясен пень, с пожеланиями боевых успехов в конце. Количество числящихся на мне кровососов в книгу ответственное лицо тоже вписало. Заодно набив на жетоне кернами не только мои данные, но и три соответствующих знака. Меня самого интересовало в этот момент совсем другое – графа «Судьба» таблицы. Которые, к слову сказать, в Аэроне бюрократия сумела изобрести. Насколько я успел глянуть корявые рукописные строки, данный букс играл роль послужного списка и, помимо установочных данных гильдейца и его успехов на ниве вампиробойства, отслеживал дальнейшую судьбу фигуранта. Товари-

ща, вступившего в гильдию передо мной, вампиры уже успели прикончить, о чем было прямо написано, причем даже с предполагаемым именем его убийцы. Прожил новоиспеченный «воин Тира» после регистрации в организации меньше недели.

– Был силен, храбр и глуп. Двух «птенцов» убил, а обратившего их кровопийцу упустил. – Правильно понял направление моего взгляда обретавшийся в конторе секретарь, скорее начальник штаба организации шен Силен Фреде – неброско одетый низкорослый жилистый живчик с крысиными усами и вкрадчивой речью, портретно схожий с усредненным изображением итальянского мафиози из голливудских фильмов шестидесятых.

– И часто мстят?

– Очень, – «мафиози» опередил мой начальник. – За «детей» почти всегда пытаются отомстить. За «хозяина» когда как.

– Всё проще, благородные господа. – Фыркнул Фреде. – Вампиры – твари территориальные, им в своем домене ловчие без надобности. Это слабый вампир от мести может отказаться, а сильный за «детей» мстит, потому что иначе земли, с коих кормится, не удержит. Свои же сожрут. – Главный бюрократ вампиробойц перевёл взгляд на меня и, ёмко вычленив суть, уточнил тему: – Удивительно много голов спас их же язык, если удержать за зубами ума хватило.

– Нам неизвестность уже не грозит, – безразлично пожал

плечами я.

– Так вы и не было черноногое, – вернул мне жест Силен. – Вас ещё надо достать. Если даже «хозяин» этих четверых рискнет. Лицом к лицу с вампиром сойтись и выжить не всякому дано, а вы, фер, в одиночку троих порубили. Уважения их «хозяин» не потеряет, этих кровососов вы ведь не спящими убили. Да и вообще были в полном праве – они сами драки искали.

– А за чужих у них тоже мстить не принято, – добавил капитан. – С земли, что вампир держит, успел уйти – искать не будут.

– Если этот кровосос с соседом не в хороших отношениях. Но по случаю прибить встреченного ловца не упустят, – окончательно закрыл вопрос вампирьей мести Фреде. – Так что гильдейский знак кому не надо лучше не показывать.

Я обвел окружающее внимательным взглядом: всё вокруг прямо смердело, что эта бескомпромиссная война с кровосо-сами одна только вершина айсберга, в котором 99,9 процентов граждан, даже прояви такое желание, не увидят и трети. Как бывшего опера, меня вот очень интересовал вопрос: каким образом эти герои тайных битв с вампирами в двухсот-тысячном городе с огромным числом укромных уголков да-же без многокилометровых катакомб их вообще находят, на-пример. С городской стражей понятно – работающая систе-ма уличных осведомителей и патрулей, хочешь того или нет, но в один прекрасный день наведет на след ночных жителей.

А эти орлы откуда получают наводки на своих жертв? Я покосился в сторону высящегося за окном храма – не священничество ли с паствы информацию собирает? Факт! Причем точно, что только один из многих других, которые для меня, к счастью, были неактуальны, в городе я задерживаться не собирался.

* * *

Что мне действительно нравилось в этой средневековой цивилизации, так это государственные дороги. При сохранении такой же основательности, а «Вечный император» вел Аэрон в светлое будущее уже седьмую сотню лет, до ватерклозетов видимо оставалось недолго. Компания «Голден Гермес» от поставок фаянсовых друзей вот точно не откажется.

Пусть камнем дороги мостили только в окрестностях крупных населенных пунктов, для нужд государства мощенные щебнем и гравием шоссе служили не хуже, а стоили гораздо дешевле. Забота о путниках доходила до того, что назначенные для выполнения дорожной повинности населенные пункты даже вырубали подлесок по обочинам магистралей, чтобы разбойники не могли выскочить из кустов, прежде чем жертва успеет обнажить меч. Добросовестно выполнялась эта повинность, конечно, далеко не везде, даже несмотря на то, что шла она в зачет налогов, а старосту мог-

ли для стимуляции банально выпороть, однако в целом все было неплохо. Человек в любом мире выходил скотиной, что хочет получать больше, а работать меньше.

Однако для нас разбойники в любом случае были малоактуальны. Конвоем нашей следующей в сопровождении обоза с личными вещами далеко не безобидной парочки служил целый десяток кавалеристов. Если засчитать слуг, то полтора десятка наемных солдат в этом мире были довольно зубастой дичью для рядовой фратрии¹⁹. С нерядовой бандой было бы, конечно, сложнее, но в мирное время большую шайку ты еще попробуй суметь прокормить, да и внимания властей и аристократии такое профессиональное сообщество привлекает несоразмерно.

Короче говоря, на таких размышлениях мы, собственно, и впухли.

Сначала, как говорится, ничто не предвещало беды. Мы с капитаном ехали рядом друг с другом, разговаривая о том, о сем, слуги, оседлав повозки, катили вслед, а капральство, точнее сказать, десяток охраны (в кавалерии ревнители традиций страдали консерватизмом), разделившись на две группы, охранял нас спереди и сзади. Повозок в нашем мии-обозе было три – капитанская, он оставил в усадьбе одну из своих, моя, я свое барахло естественно тоже с ротой не отправлял, и практически «общаковый» фургон кавале-

¹⁹ Термин «фратрия» использован в традиционном значении – братство или, если угодно, сообщества по интересам.

ристов, который двигался в ядре колонны третьим.

Нежданчик нарисовался при переправе через небольшую речушку, брод через которую, к слову сказать, был укреплен каменными плитами. Мы, конечно, никого подозрительного не наблюдали, однако комитет по встрече определенно держал на соседнем холме наблюдателя, который доложил боевым товарищам о нашем появлении. Ничем другим пятеро готовых к бою кавалеристов, заступивших нам дорогу, стоя в окружении примерно полутора десятков пехотинцев, не объяснялись. Особый смак этой неприятной ситуации придавал безвкусно размалеванный сложным гербом щит радостно нам ухмылявшегося парня в центре, сидевшего на хорошем вороном коне с кольчужным нагрудником. Десятник наших псевдорейтар Акс ан Трейден, последний выживший из попавшего под замес проигранной «межевой войны» благородного рода, вполне резонно на другой берег не полез и приготовился к бою. Обе стороны, разделённые тридцатью метрами воды, каменных плит и песка, молча изучали друг друга.

Традиционными разбойниками тут, конечно, даже не пахло. Большую дорогу явно осенила своим присутствием птичка покрупнее – здорово смахивало на явление миру поиздержавшегося нищеврода из дворян, вышедшего на тракт за длинным, так сказать, ауреем. Наблюдаемый за спиной комитета по встрече лагерь, с установленными там палатками в окружении распряженных повозок, эти умозаключения

вполне подтверждал. Лошадей нигде не было видно, похоже, паслись, где-нибудь за холмом. Осталось только выяснить, будут ли нас провоцировать на конфликт или нападут без разговоров. Лично я бы на месте этого рыцаря – разбойника начал провоцировать – и с императорским правосудием потенциальных проблем меньше, и возможность встретить наших «рейтаров» на выходе из воды стеной щитов и копий имеется. А пятеро твоих лучников тем временем будут сыпать стрелами.

Лойх ан Феллем, по-видимому, думал о том же самом, мысли прямо крупными буквами были написаны на лице. Требовалось подумать, как выходить из ситуации.

Основную опасность для нас представляли конники, по виду классическое копьё небогатого мелкопоместного рыцаря – кольчуги только у троих, включая самого господина, один в кожаной кирасе с такими же наплечниками, частично усиленной кольчужным полотном, и еще один в дешевом нашивном панцире с бронеэлементами из мелких железных пластин. Все пятеро вооружены копьями и щитами, мечи в ножнах. Причём именно длинные прямые мечи, а не сабли, палаши или фальшионы. На головах у всех неплохие открытые шлемы.

Пехота по всем понятным причинам вооружена хуже. Можно предполагать, жаждущих быть замеченными «добровольцев» из замковой хозобслуги и окружающих его поселений. У девятиерых довольно большие овальные щиты, по-

хожие на клипеусы римлян, и примерно так трехметровые копья. Лучники имеют такие же копья и дополненные разнотипными мечами и фальшионами, щитами не пользуются. Металлические шлемы – через одного, старший из лучников щеголяет в короткой кольчужной безрукавке, один из копейщиков – в длинном пехотном хауберке²⁰, все остальные пехотинцы в коже и стегашах.

Не бог весть что, будь наш десяток рейтаров настоящими псами войны, численное преимущество и превосходство позиции потенциальных грабителей не давало бы им сильного превосходства, однако в том и суть, что большинство наших кавалеристов были рейтарами только по названию. И это меня немного так напрягало, для того чтобы бычить на полтора десятка настоящих наемников, находившийся на другом берегу, рыцаренок был слабоват. А вот конкретно для нас с Лойхом его банды вполне могло и хватить. В этой связи начинал маячить ещё один вопрос – специально он нас встретил или кому-то из двух сторон сильно не повезло. Ан Феллем рядом закипал злобой, отсыпать мзды за проезд, или что там с нас собирались стясти, он себе позволить просто не мог. От такого молодому капитану наемной роты в профессиональном сообществе никак будет не отмыться.

Пауза определенно затянулась, и перекрывший нам дорогу благородный рыцарь решил сделать ход:

²⁰ В данном случае хауберк означает не сам по себе кольчужный капюшон, а цельную с ним кольчугу.

– Я, фер Одд ан Реннедерн, наследник Реннедерна, принес обет перед лицом Тира, что, пока я стою у этого брода, никто не преодолеет реку, прежде чем не признает самой прекрасной девушкой в сто миль окрест рейну Фриду ан Сигиморн!

Ну, прямо-таки Дон Кихот Ламанчский, куда деваться. Вот только фамилия будущего покойника, а кто-то из нас должен был стать покойником непременно, прямо-таки вопила, что случайностью встречи даже не пахнет. Этот говнюк, планируя отомстить за брата, причем весьма возможно, что не бесплатно, еще и в глазах дамы сердца решил экспиенса понабивать. Ну а что я его брата ранее зарубил, так это трагическая случайность. Боги решили помочь с мезтью.

Скрипящего от злобы Лойха рядом одолевали сомнения. Провозгласить чужой телке здравицу это не денег дать, однако мешала та же гордость. Ситуация со средневековыми восславлениями дам сердца, по сценарию которых нас разводили на стычку, в принципе не несла никаких принципиальных отличий от «Мужик, купи кирпич!» на века позже. И я бы сказал, что, в отличие от типичного сценария покупки кирпича моей памяти, тут нам практически стопроцентно выкатят дополнительные требования.

Я еще раз окинул всех взглядом. Наши рейтары, бывшие к счастью в доспехах, судя по серьезным мордам, уже были готовы к бою. У нас двоих положение было чуть хуже – шлемы обоих ехали в повозках. Меня защищала одна только

привычно поддетая под кожаную рубаху титановая кольчуга, спасенная с бригантины, капитан также носил стальную. Судя по всему, мою привычку скрытно таскать средства индивидуальной бронезащиты прислуга доложила родителям, и те накрутили сыну уши.

Лойх уже было открыл рот, чтобы ответить какой-то дерзостью и поймать в ответ стрелу в пузо. От хорошей стрелы миллиметровые кольца его кольчуги парня точно бы не защитили, так что я спокойно взял его за руку:

– Не суетись! Капитан, предоставьте решить это дело мне. Если миром не разойдемся, когда возьмусь за меч, сразу же атакуйте.

Ан Феллем кивнул, и я двинул коня в воду, направляясь прямо к родственнику покойного любителя помахать плеткой в воротах. С учетом того, что он был в полном вооружении, до треугольного щита включительно, и стоял в окружении соратников, а я носил «рабочий» корабельный костюм из той же акульей кожи и оружие имел в ножнах, подпустить меня к себе эта сволочь была просто обязана. Даже, несмотря на то, что кричать восхваления рейне его мечты я вовсе не торопился.

– Простите, фер. Я полагаю, что прежде чем восславить без сомнений прекрасную Фриду, нам надо о ней что-то узнать! Вы хотя бы расскажите о ней! Она блондинка, брюнетка или, может быть, даже рыжая?

– А не все ли тебе равно? – Мой новый друг Одд ощутимо

напрягся и стёр с лица глумливую ухмылку в попытках понять, чего я хочу добиться. В самопожертвование ради успеха форсирования он явно не верил. И, собственно, абсолютно правильно.

— До того момента, как я узнал о прекраснейшей деве ста миль окрест, было все равно. Теперь нет. Горю любопытством и не могу даже представить, насколько эта дева прекрасна! — И тут для пущего психологического эффекта я резко сменил тон: — А между тем, уже сейчас очень хочется её вы...ть!

Плевков в душу потребовался для создания всплеска эмоций и краткого замешательства. Парень был достаточно молод и должен был на это купиться, дав мне время двинуть коня вперед и зайти со стороны его правой руки. Далее потребовалось разве что только выхватить скьявону и сразу по выносу из ножен, секанув дурака по лицу, попробовать выжить до того момента, как подойдет помощь. Родившись левой, которого в школе изверги учителя пытались переучить на правую руку, удачно использовать нетипичные направления атаки мне было несложно. Практически одинаковое владение обеими руками в моем увлечении как парным оружием, так и большими мечами роль сыграло немалую.

Вороной с оседающим в седле хозяином шарахнулся в сторону, а я, дернув повод и дав своему Барону шенкелей, направил коня на соседа, парня одних лет с боссом, в отличие от первого, все это время не прекращавшего глумливо

лыбиться.

Щит – это штука неприятная, в определенной степени даже гениальное изобретение. Но тут есть одно «но» – им надо уметь пользоваться. Оруженосец ан Реннедерна, безусловно, умел, но видимо только в привычных для себя ситуациях. Что меч вместо бесполезного рубящего удара в голову сунут уколом ему под ключицу, он не сообразил. Этого противника я, по-видимому, тоже не убил, однако боеспособность он потерял, что позволило мне прорвать линию всадников и, проскочив за их спины, ворваться прямо в центр группы лучников, также с ходу молодецким ударом развалив голову одному из них и сбив конем второго, того, что в кольчужной безрукавке. После этого я банальнейше рванул вдоль берега наутек, пока меня тут не убили.

Замысел оправдался на все сто процентов. Имея одиннадцать атакующих рейтаров с фронта, людям уже практически покойного благородного разбойника было не до преследования. Самим при их ударе выжить бы. Практический максимум ситуации выдал один из лучников, сумевший всадить мне стрелу в спину, но титановую кольчугу она, естественно, не пробила. А потом в дело вступили ан Феллем со своими рейтарами, и всем окончательно стало не до меня.

Конники, придерживая раненых, абсолютно для меня неожиданно обратились в бегство, и только брошенная ими пехота начала сражаться за свою жизнь, пытаясь не выпустить наших конников из воды. Шансов на выживание у них

было немного, но задержать рейтаров эта группа успевала точно, лошадь животное умное, да и человек, в общем, тоже. Безоглядно заставить их броситься на кованые рожны не так уж просто. Особенно если за спиной стоят лучники.

Вот лучниками, развернув коня, я и занялся. Пытаться перехватить трех конников в полном вооружении, пусть и спасающих раненого сюзерена с оруженосцем, но, безусловно, готовых к бою, было делом однозначно бесперспективным.

Возвращение, что бы кто ни подумал, было в моих планах, даже если бы разбойничающая кавалерия приняла бой, а не предала своих пехотинцев. В принципе, для того чтобы поломать сопротивление по урезу воды, в любом случае мне должно было хватить и одной угрозы наезда в спины.

Ну а если бы один-два всадника за мной погнались, было тоже неплохо – они в любом случае выбывали из боя. В целом, я ничего не терял, даже если наших недоделанных конников бы побили. В этом случае спецоперация по спасению моего барахла в лагере зализывающего раны противника планировалась на ночь.

В случившемся сценарии событий, если честно, атаковать стрелков было довольно страшновато, кольчуга на теле от стрелы в лицо бы не защитила, но все устроилось наилучшим образом. Когда лучники на меня отвлеклись, наши унылые псевдорейтары, толкущиеся в воде перед стеной щитов и пытавшиеся подловить неосторожного пехотинца, всё-таки рискнули немного поднажать, поддели парочку человек

на копыя, стоптали конями и порубили еще двоих, и оборона по урезу воды рассыпалась. Пятеро копейщиков и присоединившийся к ним помятый лучник в кольчужной безрукавке разве что сбились в кучу в надежде прожить подольше. Остальные трое запаниковали и попытались убежать, чего им, естественно, не удалось. Капитан, до этого предусмотрительно державшийся за линией рейтаров, легко догнал и зарубил двоих, а третьего перехватил я.

То, что пятеро из этой шестерки к нашему возвращению еще были живы, следовало отнести отнюдь не к их сверхвыдающимся боевым качествам, а к низким нашим. Из десятка рейтаров в ходе речного месилова выбыло трое, один из которых покойником, и вдобавок к этому копейщики убили двух лошадей, так что на рожон, точнее рожны, никто уже первым лезть не хотел. Окруженная группа пыталась этим воспользоваться и, прижавшись к воде, отступала, двигаясь вдоль реки, пока наши крутились вокруг, пытаясь ткнуть копьем подставившегося пехотинца.

– Сдавайтесь! Подарю жизнь! – заорал наш наивный капитан.

– Наша жизнь и так в наших руках! – ответил тот самый помятый моим конем лучник, сейчас хромавший и вытиравший с лица заливавшую левый глаз кровь.

– А если я перед копыями коня не остановлю? – Я жестом упредил ан Феллема, чтобы он предоставил дело мне, а не выдал какую-то глупость.

– А не жалко будет коня, ваша милость? – ответил тип в длинной пехотной кольчуге с капюшоном, старший среди копейщиков и видимо пользовавшийся среди них немалым авторитетом, коли удержал группу от паники и попытался вырвать тот единственный шанс выжить, какой у них имелся. – Дорого, поди, стоит? Стоит ли он прибýtка с наших трупов?

Я сохранившим такое хладнокровие мужиком даже восхитился, тем более что все это время группа продолжала осторожно смещаться вдоль берега. Дядька, судя по седым вислым усам, прошедший далеко не одно сражение, бил в самую слабую точку нашего желания вырезать эту группу – экономическую обоснованность. Трофеи с трупов мы были бы вынуждены делить на всех, так что вернуть деньги за потерянного коня с добычи мне точно не светило.

– Надо же умный какой. – Я искренне мужику улыбнулся. – Что с большим мечом я и в одиночку вас пошинкую, вы, конечно, не поверите... Убедил. Воспользуемся вашими луками. Я вроде как видел за спиной целую парочку.

Дядька ощутимо помрачнел, ан Феллем рядом злорадно ухмыльнулся, рейтары тоже воспряли духом.

– Но это если не договоримся.

Вот тут откровенно удивились все.

– Дерох, будь так любезен, сгоняй к покойным за луками и стрелами.

Упомянутый рейтар, тот самый не самый полезный в

бою недавний крестьянин, послал окруженным неприличный жест и рванул выполнять приказ.

– Ну а ты пока что можешь подумать, стоит с нами договориться или нет. Времени на это у тебя ровно до его возвращения. Потом я вас лично перестреляю.

– С моей помощью, – ан Феллем решил не оставаться от разговора в стороне.

– Чего вы от нас хотите? – Мужик сообразил, что дело пахнет керосином, и не стал обострять. Шансы уйти от нас, если не отпустим, у них и так были не сильно уж велики. Ещё один-два выбитых пехотинца, и остальные кружащихся вокруг кавалеристов уже не удержат.

– Давай пройдемся. Один на один переговорим. – Я спешил. Мужик мялся и откровенно не знал, что ему делать. – Не ссы. Против луков вы все одно покойники, так что ничего не теряешь. А так фер ан Феллем вас живыми отпустит. И даже не ограбленными. Правда, капитан?

Сообразивший подыграть Лойх величаво кивнул.

– Но уговаривать вас тоже никто не собирается. Решай быстрее, вся ваша жизнь в твоих руках.

Вот тут проникшиеся речью боевые товарищи чуть ли не выпихнули дядю вперед.

– Оружие можешь оставить, твои ребята его сохраняют. Мы же переговорить собрались, а не подраться, верно?

Тут мужик снова замаялся, однако первый шаг по наклонной был уже сделан, так что освобождение от колюще-режу-

щих предметов не заставило себя ждать. Я мысленно потер руки – он очень хотел жить, а значит, если правильно взять дядьку в оборот, вылепить из этого пластилина можно будет почти все что угодно.

* * *

Что полный любопытства капитан решит присутствовать при нашей беседе, я, если честно сказать, не сообразил, но махнул на это рукой. Просить начальника подождать в стороне было бы политически неправильным. Единственное, о чем его попросил, это не вмешиваться и встать так, чтобы не закрывать нашего нового друга от взглядов боевых друзей. Сам дядька в это время вполне обоснованно маялся неизвестностью.

– Взрослый, казалось бы, муж и на большой дороге головой рискуешь... – сочувственно закинул я удочку для завязки разговора. Мы оба сидели на вынесенном водой на берег бревне в полусотне метрах от окруженных пехотинцев, капитан стоял рядом, сложив руки на груди, и с интересом переводил взгляд с одного на другого собеседника.

Меня смерили понимающим взглядом и равнодушно повели плечом. Впрочем, пробить психологическую броню первым же вопросом я и не рассчитывал. Так, лениво прощупал реакцию с этого направления. Не более.

– Ан Реннедерну кем служишь? – я резко сменил тон и

тему. Затягивать разговор тоже не следовало, лагерь бежавшего рыцаря сам себя не ограбит.

– Кастелян я, ваша милость.

– Замка Реннедерн?

– Это фьеф зовется Реннедерн, фер. Замок рода ан Реннедерн именуется Денан, – отвечал допрашиваемый достаточно неохотно.

– Не суть. – Безразлично шевельнул я рукой. – Давно служишь?

– Вскорости десяток лет будет, – осторожно ответил кастелян, именем которого я даже не поинтересовался. К слову, специально.

– Не одну войну под гербом прошел и в верности сомнений не подавал?

– Да, досточтимый фер. Так оно и есть.

– Женат?

Лицо допрашиваемого дрогнуло в некотором удивлении, быстро трансформировавшемся в опаску.

– Да...

– И дети есть?

– Да, фер. – Кастелян задумчиво пошевелил седыми усами и добавил: – Четверо.

– Убили бы мы тебя, будет кому поддержать?

На этот вопрос он предпочел не ответить, снова безразлично шевельнув плечами.

– Завистников много? Врагов? Тех, кто на твое место ме-

тит?

В этот раз он отмолчаться не рискнул и неохотно ответил:

– Хватает, ваша милость.

– А те, кто вас предал, в их число по случайности не входят?

Лицо собеседника еще раз дрогнуло, в этот раз в неприкрытой злобе на боевых друзей. Ага, я бы на его месте тоже злился.

– Кто знает.... В чужую голову не заглянешь...

– Да ты что?! – совершенно искренне ухмыльнулся я. – Ты бы мне это говно не скормливал, дядя!

Кастелян ощутимо напряжился, рука, видимо, незаметно для него самого дернулась к висевшему на поясе боевому ножу.

– Однако мне, в общем, наплевать, – успокоил я мужика. – Твоя жизнь, твои проблемы.

– А что тогда спрашиваете, ваша милость?

– Что добра желаю и советом помочь хочу, ты конечно же не согласишься?

Кастелян кивнул.

– И правильно. Уважаю умных людей. Ты же умный человек, кастелян замка Денан?

– Глупцом не считают. – Дядя был преисполнен мрачных подозрений.

– Ну, значит, и будем вести разговор как два умных человека. Согласен?

– Говорите уж, чего вам надо, ваша милость, – вздохнул тот.

– Мне надо? – Усмехнулся я. – Это надо тебе. Мне в твоей жизни вообще никакого интереса нет. Ты для меня как комар. Не прихлопнул – лети и жужжи с богом. Другой прихлопнет.

– Поэтому, фер, сюда и вытащили? – меня неуклюже попытались поддеть в ответ.

– Скажу так, всегда можно найти дело, где интерес умных людей совпадает. – Не смутился я. – Не срастется, я поеду своей дорогой, и от этого ничего не изменится, а вот ты в любом случае будешь думать о выживании.

– Может быть, что так и есть, – согласно кивнул кастелян, достойно приняв удар.

– Не может быть, а выживать прямо, как сегодня придется. Думал уже, что будет, после того как в замок вернешься, когда тебя там похоронили?

– Нет! – мрачно буркнул тот. Мысли собеседника, судя по роже, мне удалось направить в нужном направлении, однако накатить пару сантиметров брони это ему не помешало.

– Так я тебе подскажу, кастелян. Согласен, что верность только тогда ценна, когда она обоюдна?

У капитана ан Феллема, что с интересом наблюдал за процессом морального распятия жертвы, лицо стало ну прям-таки маской покойника. Сам распинаяемый отреагировал немногим лучше.

– Я так вижу, согласен. – Искренне, но немного издевательски хмыкнул. – А теперь я просто задам один вопрос. Простит ли тебе твой господин свое предательство, когда ты в замок вернешься?

Поживший, неглупый и не боящийся крови мужчина какое-то время даже не знал, что ему ответить, нашелся только с жалким:

– Его милость меня не предавал!

– А сильно большое это имеет значение? Если тебя предали его близкие слуги, которых он за свое спасение ну никак не сможет не вознаградить?

– Мой господин меня не предавал...

– Ты, похоже, недопонимаешь. – Нагнетая на жертву нервоз, я как можно более зловеще ухмыльнулся. – Не имеет никакого значения, кто вас бросил на смерть ради спасения господина, тогда как вместе вы могли и отбиться. Скажу честно, от наших недоделанных рейтаров и отбились бы. Имеет значение только то, что вы остались умирать, а они сбежали. Поэтому я тебя и спрашиваю, простит ли тебе твой господин свое предательство? Что невольное, это неважно. Ты не замковый стражник, а кастелян. Выше тебя в замке только сам сеньор и его семья. Забудет про это, деньгами вознаградит и по головке погладит или будет ожидать ответного предательства? Поставь себя на его место. Может он предположить, что ты воспользуешься своим положением и при случае припомнишь?

Кастелян промолчал. Случай был как раз из таких, когда молчание красноречивее любых слов.

– Сильно он тебя ценит и уважает? Ты почти как член семьи у Реннедернов? А те, кто его «спас»? – Тут было целесообразно подчеркнуть тоном сарказм. – Будут тебе улыбаться, руку протянут, обнимут и извинения принесут, и подумать, что им тот ты точно той же монетой отплатишь, им даже в голову не придёт?

Жертва мрачно и тоскливо глянула в мою сторону. Я продолжил:

– Знаешь, таких врагов, как ты, нормальные люди убивают раз и навсегда. Чтобы ты не мог подняться и подгадить в ответ. А если ответную гадость не сделаешь, – я махнул рукой в направлении его людей, – все решат, что ты ослаб и жрать тебя теперь можно безнаказанно. Согласен?

– Вы меня на господина хотите натравить, ваша милость? – Кастелян, наконец, озвучил решение, к которому его подводили. За этим я миротворчество, собственно, и устроил. Лично гоняться за благородным ублюдком, решившим мне отомстить за брата, было немного не с руки. А вот решать проблему было нужно. – Если меня отравят, удавят или сгноят в темнице, все одно лучше, чем на кол сесть. А то и вся семья под топор пойдет.

– С чего это ты такое взял? – Хмыкнул я, против психологического манипулирования мужик оказался достаточно беззащитен, жертву теперь нужно было просто дожать. – Я

тебе себя и семью как раз предлагаю спасти. Вот мало ты врагов на своей службе нажил? А ведь на жене и детках они первыми и отыграются. После того как они твоей и господской защиты лишатся. А не лишиться ее ты не сможешь – те трое, что Реннедерна утащили, свое предательство точно никому не позволят вспомнить. Да и кастеляна место тогда освободится... при раненом господине. Доходное у тебя местечко, как считаешь? Сколько народу за одни деньги, что через него идут, тебя готовы прикончить?

– Что вы от меня хотите, чтобы я сделал? – Окончательно сломался мужик. Было, похоже, что по-настоящему, а не играя. Фальши совсем не чувствовалось.

– Наследники у моего недорубка есть?

– Да, ваша милость. Двойня, мальчик с девочкой. Третий год пошел.

– А какого х... тогда своей даме сердца на дорогах признания посвящает? – не выдержал капитан. – Жена надоела, избавиться собирается?

Прежде чем Лойху ответить, кастелян откровенно замаялся:

– Он над вами глумился, ваша милость, а не даме сердца эти признания посвящал.

– Вот как?

– Да, милостивый господин. Рейна Фрида ан Сигиморн – это такая благородная дурочка из соседнего поместья. С младшим братом фера Одда были помолвлены, но как со сте-

ны лет семь назад шлепнулась, так родители господина сразу же помолвку разорвали. С головой совсем плохо, пол-лица всмятку, в падучей что ни неделю бьется, даже колдуны ничем помочь не смогли.

– Ах, ты говно какое! – Ан Феллем по молодости натурально вскипел, только сейчас сумев оценить, в какой его затачивали блудняк.

Я хмыкнул, напротив, оценив эту остроумную шуточку, но ничуть ей не удивившись, и вернул жертву моих манипуляций к нити разговора:

– Если властелин Реннедерна по ужасной случайности отран тапки кинет, молодой вдове с маленькими детьми кроме таких, как ты, старых слуг, которые со сменой хозяина все теряют, на кого будет опереться?

Кастелян задумался, мы молчали. Успокоившийся ан Феллем, судя по отсутствующему виду, размышлял о чем-то своём и даже не сразу понял, что охрипший мужик обратился к нему, а не ко мне.

– Жуткий у вас лейтенант, ваша милость. И ведь не боитесь, наверное...

Вот сволочь какая! У юного руководства для профилактики недоверия требовалось срочно развеять мрачные впечатления:

– Верность – это понятие обоюдное, дядя. Своих не бросаю и на больших дорогах промышлять тоже брезгую.

– Ваша милость, это я сразу понял, что вы за мелочью не

нагнетесь...

Вот тут мне стало по-настоящему лестно. Всегда бы так ценили. И не враги, а собственное руководство.

– В общем, решай сам, что тебе делать, кастелян. Твоя жизнь, твои и хлопоты. Испугаешься своего убожачного господина придавить, мне, если честно говоря, наплевать. Скорее рано, чем поздно я и сам его удавлю. Однако учти, когда вы до замка доберетесь, кто-то из них... – я ткнул большим пальцем в направлении его подчиненных, – непременно о нашей беседе раззвонит. И что ты их жизни сейчас спасаешь, никто после этого не вспомнит, что бы ты ему там не плёл.

Кастелян хмуро глянул в указанную ему сторону.

– Так что выбора даже нет, – я цинично ему усмехнулся, – на одной чаше весов ты со своей семьей и положением, а на другой – один благородный выродок с тремя говнюками, которые вас предали. Кто тебе ближе, выбирай сам.

Кастелян окинул меня тяжелым взглядом и повторил свою мысль уже мне в лицо:

– Жуткий вы человек, ваша милость.

– Для чужих вполне может быть...

* * *

Лойх ан Феллем задумчиво смотрел в направлении спешно удаляющихся фигурок пехотинцев ан Реннедерна, такое

ощущение, что до конца и не поверивших что их только что отпустили.

– Фер Вран, ты действительно думаешь, что он его убьет?

– Понятия не имею. Скорее нет, чем да. Чем в Одде ан Реннедерне больше гнили и глупости, тем вероятнее, я так думаю. Слишком от многого зависит, – я равнодушно пожал плечами. – Попытаться в любом случае следовало. Работа у нас опасная, кровников много, так что мстителей нужно давить сразу, как представится возможность.

Хмыкнул.

– Я же не золотом ему заплатил, бесплатно по ушам проехал. Придавит ублюдка подушкой – хорошо. Испугается или понадеется на лучшее? Ну и бог с ним. Что эти пять жизней для нас решают?

Капитан на какое-то время задумался и протяжно так выдал:

– А ведь действительно, жуткий ты человек, фер Вран ден Гарм...

Я только усмехнулся:

– Знаешь, фер Лойх, самое смешное в нашем разговоре, что я ему ни одного слова лжи не сказал. Так, разве что немного сгустил. Самую малость...

Глава III

Большой добычи мы в брошенном лагере, разумеется, взять не смогли, отчего наши задним числом расхрабренные псевдорейтары, конечно, начали скрипеть. Хауберк кастеляна пытались на себя примерить. Особенно неистовствовали вчерашние крестьяне, похоже, что даже не понимавшие, что больше вмешательством богов и меня грешного пережили свою первую стычку.

Я поначалу отмалчивался. Несомненным плюсом классового общества было, что палки наши смертельно опасные для врагов мерсенарии старались не перегибать, однако потом эти терминаторы в дырявых подштанниках все же начали непритворно надоедать.

– Варрох, тебе зубы во рту не жмут?

Дерош Варрох, напрасно снимавший с трупов луки и стрелы и теперь очень этим всем возмущенный, застыл как мышонок перед змеей. Целовать в задницу во всех мирах обожаемый личный состав я изначально не собирался, поэтому парочка человек моего кулака уже отведала, что пошло взаимопониманию с коллективом только на пользу. Желания, чтобы после плюхи тебя отливали водой после последнего показательного примера, ни у кого в роте не было ни на грош.

– Почтенный кастелян тебе с удовольствием в брюхе дыр-

ку проковырял бы. Вы чем тут недовольны, волки тряпичные? Настоящими рейтарами вы станете через год, те из вас, кто жив останется. Будь вы ими, стоптали бы всех на месте и не бухтели бы тут. А вы за спину друг друга прятались. Не так?

Ответом, понятно, было молчание...

– Вот и засуньте язычки в жопу. Прямо так, как сейчас. Пару-тройку из вас эта пятерка точно бы за себя взяла. Что живы остались, совсем не рады? Или решили, что мы с капитаном за вас должны были на копья лезть?

Ответить снова никто не рискнул.

– Собирайте трофеи и не чирикайте. Когда научитесь строи топтать, тогда и получите право возмущаться. Когда вам это разрешат.

Ан Феллем, сидевший рядом, хихикнул как ребенок.

– Давно тебя хотел спросить. Кулаками ты как копытом бьешь, не у кулачных бойцов набрался?

– А ты как думаешь? – Усмехнулся я. – Остался ты без меча, сразу ложись и помирай? Да и полно ситуаций бывает, когда оружие ещё лишнее, а вот бросок или тычок в зубы в самый раз.

– Преподашь пару уроков?

– Кулачного боя или борьбы?

Лойх задумался.

– Потом, когда будет время. Мне сейчас твой большой меч больше интересен. И тот прием, которым ты вампира в «Дро-

фе» разоружил. Покажешь?

– Почему бы и нет. – Пожал плечами я. – На мечях потренироваться я тоже не против. Но для учебных поединков нам с тобой учебные мечи понадобятся. Деревяшками тут не обойдешься.

– Кузнец скует, как роту догоним.

– Потренируемся. – Одобрительно кивнул я. – Мне и самому надо, пока навыки не растерял. Да и не только с тобой. Хоран на глефе очень хорош.

Ан Феллем согласно кивнул.

– Тебе не кажется, фер Вран, что за это надо выпить?

– Почему бы и нет, фер Лойх?

В общем, продолжили мы путешествие навеселе и в весьма приподнятом настроении, оставив у реки только раздетые донага трупы.

* * *

Локра представляла собой приличных размеров деревню, точнее сказать село. Храм в этом населенном пункте был и функционировал. К нему наш конвой и направился. Образовавшихся в стычке на броне покойников нужно было похоронить, попробовать скинуть на местном базаре часть обременявшего нас трофейного имущества, да и пристроить на постой часть раненых заодно.

В принципе, нетранспортабельного Зака Хелока можно

было бросить и одного, однако это с приличной вероятностью было все равно что его убить. Крестьянство в этом жестоком мире лишним человеколюбием не страдало, так что взять с сослуживцев плату за лечение, а потом тихо задушить беспомощного бедолагу в целях ограбления для местных колхозных Гиппократов было весьма вероятным вариантом. С группой повернуть такой номер было не то чтобы сильно сложнее, тут больше играл фактор возникновения вопросов со стороны сослуживцев. Одно дело, что «умер от ран» один человек, и совсем другое что, «огневица» посетила, допустим, сразу троих.

Лиц, пользующихся плодами битвы, не участвуя в них, живущий мечом люд и так сильно не любил, а таких вот охотничков за трофеями вообще откровенно ненавидел. Уничтожение сел, деревень и отдельных хуторов, хозяева которых не смогли объяснить, куда делись оставленные там до выздоровления сослуживцы, были не то чтобы часты, но случались. И запоминались надолго. Причем что мерсенарии, что не меньше нашего страдавшие от этой проблемы императорские legionеры делали все возможное, чтобы пиар-акции данных профилактических мероприятий охватили как можно более широкие слои населения. Что, к сожалению, работало гораздо хуже, чем бы всем хотелось. Среди хитрожопых хуторян как чума бродил вирус надежд, что им то как раз повезет и болтовня про уничтоженную за тридевять земель деревеньку разговорами и останется.

Впрочем, если совсем откровенно, это все было лирикой профессиональной деформации. Сами хейенские профессиональные военные пайныками были никак не большими, чем крестьянство. Обе стороны, мягко сказать, друг друга стоили.

В любом случае для нас это оказалось малоактуальным, ибо не успели мы даже добраться до постоянного двора на окраине Локры, когда нашлись знакомые. Истошный вопль «Ва-а-а-ша ми-и-и-лость!», как мне показалось, был слышан на другом конце поселения.

– Популярен прямо как Майкл Джексон... – буркнул я, выискивая взглядом источник звука. Голос был подозрительно знаком – да и не так много я в этом мире знал подростков, способных, увидев меня, так радостно орать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.